

Н. Г. Голант

**ТРАДИЦИЯ НОШЕНИЯ
МАРТОВСКОЙ НИТИ В СТРАНАХ
КАРПАТО-БАЛКАНСКОГО РЕГИОНА
(по материалам МАЭ)¹**

Обычай ношения мартовской нити² существует у большинства балканских народов (см., например: [Анфертьев 1979а: 130–135; МДАБЯ 2005: 90–91]). В середине — второй половине XX в. обычай ношения мартовских нитей фиксируется и у некоторых других этнических групп, например у украинцев Молдовы и немцев, проживающих в Румынии [ПМА 2002; ПМА 2005б: информант Кристина Гинда, уроженка местности Ватра Дорней].

Некоторые болгарские и румынские ученые с уверенностью именуют данный обычай болгарским (Л. Йорданова) или восточнороманским (И. Гиною) (см.: [Йорданова 1996; Ghinoiu 2001: 117–118]).

Болгарский исследователь Л. Йорданова, изучая мартовские ритуалы, связанные с изготовлением мартовских нитей в Болгарии, приводит материалы, свидетельствующие о связи обычая вывешивать во дворе различные предметы из ткани, пряжи, ниток красного цвета и обычая изготовления и ношения мартовских нитей [Йорданова 1988: 44].

Однако обычай ношения мартовских нитей распространен в гораздо более широком ареале, нежели обычай вывешивания 1 марта во дворе красной ткани и одежды. Впрочем, согласно исследованиям А. А. Плотниковой, конфигурация изодоксы «мартовская нить» располагается почти параллельно изодоксе «вывешивание 1 марта красной ткани» [Плотникова 2004: 129].

У румын и молдаван мартовская нить почти повсеместно обозначается термином *mărțișor* (*мэрцишор*) [Fochi 1976: 198–202; Sărbători și obiceiuri 2001: 266–

¹ Рассмотрение конкретных типов румынских и болгарских мартовских нитей в данной статье проводится на основании коллекций МАЭ: колл. № 6944 (35 предметов, болгары, дар Н. Глинского, поступила в 1987 г.) и № 7438 (102 предмета, румыны, болгары, дар Н. Г. Голант, поступила в 2010 г.).

² Термин заимствован автором у А. Н. Анфертьева [Анфертьев 1979 а: 133–139].

268; Sărbători și obiceiuri 2002: 217–218; Sărbători și obiceiuri 2003: 280–281; Sărbători și obiceiuri 2004: 316–319]. Румынский исследователь И. Гиноу в своей работе «Сокровище сел: народный календарь» [Ghinoiu 2005: 57] приводит карту из «Малого лингвистического атласа Румынии», где отмечены и другие названия, например *Dochia*³ (жудец Бакэу, румынская Молдова), *Luna lui Marta* ‘месяц Марты’ (жудец Телеорман, Мунтения)⁴, *Luna lui Martie* ‘месяц март’ (жудец Вылча, Олтения), *Marț* (Западные Горы), *Mart*, *Marte* (жудец Яссы, румынская Молдова) [Ghinoiu 2005: 57; Плотнокова 2009]. У румын в округе Прахова (Мунтения) в качестве наименования мартовской нити был зафиксирован термин *marțu* [Densușianu 1926: 313]. У арумын это украшение-оберег также именуется *marțu* [МДАБЯ 2005: 90–91; Țigomnicu 2004: 141–142]. На территории нынешней Республики Молдова наряду с наименованием *marțișor* зафиксирован также термин *mărțișuș* [Попович 1977].

Болгарские наименования мартовской нити более разнообразны, хотя наиболее часто встречающимся термином является *мартеница* (*мартеничка*). Встречаются у болгар также такие термины, как *марта* (ряд населенных пунктов в Пиринском крае; с. Крапец общины Шабла, Былгарево общины Каварна, Александрия общины Крушари в области Добрич в Южной Добрудже), *мартенка* (с. Пирин, община Сандански, область Благоевград, Пиринский край), *мартичка* (с. Александрия, община Перник, область Перник; с. Костанденец, община Цар Калоян, область Разград, этнографическая группа *капанци*), *мартенича* (с. Мырчаево, Столична община, область София)⁵, *Баба Марта* (г. Шипка, община Казанлык, область Стара Загора), *мартишора*⁶ (с. Пчеларово, община Генерал-Тошево, область Добрич, Южная Добруджа), *китица* (г. Грамада в области Видин и некоторые другие населенные пункты на северо-западе Болгарии), *китичка* (с. Костанденец, община Цар Калоян, область Разград, *капанци*), *гадалушка* (г. Лясковец в области Велико Тырново и др. населенные пункты в северной и центральной Болгарии), *кичилка*, *байница*, *тъспих* ‘четки’ (Родопы) [Дражева 1980; Василева 1985; Йорданова 1996: 65–66]. Большинство наименований мартовской нити у болгар, как и у других балканских народов, происходит от названия первого весеннего месяца. Термины *китица*, *китичка*, *кичилка*, очевидно, являются производными от глагола *китя*, *кича* — «украшать», «убирать цветами». Появление терминов *гадалушка* и *баяница*, очевидно, связано с использованием мартовских нитей для гаданий и магических действий (см.: [Йорданова 1996: 65–66; Василева 1985: 200–235]).

³ В данном случае мартовская нить названа именем святой (Евдокии), день которой празднуется 1 марта, и одновременно наиболее распространенным у румын именем мартовской старухи — женского персонажа, связанного с началом весны, представления о котором существуют у многих народов Карпато-Балканского региона — у румын, арумын, молдаван, болгар, македонцев, сербов, черногорцев, боснийцев, словенцев, греков, албанцев, гагаузов, карпатских украинцев, поляков Галиции, русских строобрядцев (липован) в Румынии, а также у жителей ряда регионов Ближнего Востока и Западной Европы — у турок, персов, арабов, берберов, французов, провансальцев, каталонцев, итальянцев, швейцарцев (см., например: [Кабакова 1994; Șăineanu 1896: 1–45]).

⁴ В Телеормане были зафиксированы сведения, согласно которым мартовская старуха носила имя «Марта» (см.: [Fochi 1976: 23–29]).

⁵ В прошлом — область Перник.

⁶ Это название, несомненно, обязано своим появлением румынскому влиянию.

У македонцев мартовская нить может именоваться *мартинка*, *мартинче*, *марте*; в Западной Македонии также *моњак*, *мрњак*, *млњак* [Миладинови 1981: 522; Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149; Плотникова 2004: 130; Кашуба 1977]. У греков мартовские нити могут называться *μαίρτες* (pl. от слова «март»), *ο μαίρτης* (m. sg.), *η μαίρτα* (f. sg.) [Анфертьев 1979а: 130]. Встречаются также такие греческие наименования мартовской нити, как *ου Μαρτ'*, *ου Μαρτ'ς* (с. Эратира, округ Козани, западная часть греческой Македонии), *m'arti* (с. Каstellи [Καστέλλι], район Калаврита, Пелопоннес), *το Μαρτοάτονο* (о. Карпатос) [Зайковская, Зайковский, 2001; МДАБЯ 2005: 90–91; Пономарченко 2001]. У албанцев для обозначения мартовских нитей употребляются такие лексемы, как *verore* 'летние' (Эльбасан), *marse* 'pl. от mars — *март'*, *guduvere kose'*, *smiliresh* (см.: [Анфертьев 1979а: 130–131; Юллы, Соболев 2003; МДАБЯ 2005: 90–91]).

Мартовская нить у различных балканских народов чаще всего представляет собой шнурок из двух переплетенных нитей, белой и красной. Двухцветная красно-белая мартовская нить была распространена у румын еще во второй половине XIX в. [Fochi 1976: 198–202]. Однако, согласно некоторым сведениям из Олтении (жудецы Вылча и Олт), Мунтении (жудец Арджеш) и румынской Молдовы (жудецы Нямц и Васлуй) мартовская нить могла быть одноцветной — красной. Согласно отдельным сведениям, в Молдове встречались сине-красные (жудец Васлуй) и бело-сине-красные (жудец Галац), а в Олтении — черно-красные (жудец Вылча) [Fochi 1976: 198–202; Sărbători și obiceiuri 2001: 266–268] и черно-белые, изготовленные из неокрашенной темной и светлой овечьей шерсти (жудец Мехединць), мартовские нити [ПМА 2010]. На территории Трансильвании, в частности в округах Брашов и Хунедоара, встречались многоцветные мартовские нити (среди возможных цветов упоминаются красный, белый, синий, желтый), однако они, по всей вероятности, появились довольно поздно [Sărbători și obiceiuri 2003: 280–281]. В период с конца XIX до середины XX в. при изготовлении румынских мартовских нитей могли использоваться и шерстяные, и хлопчатобумажные, и конопляные, и льняные, и шелковые нитки [Fochi 1976: 198–202; Sărbători și obiceiuri 2001: 266–268; Sărbători și obiceiuri 2002: 217–218; Sărbători și obiceiuri 2003: 280–281; Sărbători și obiceiuri 2004: 316–319; ПМА 2008; Полевые материалы Плотниковой 2007]. По словам информантов из различных населенных пунктов Олтении и Мунтении, еще в середине XX в., в частности в годы Второй мировой войны и в первые послевоенные годы, женщины, девушки и девочки делали мартовские нити из ниток, чаще всего хлопчатобумажных (из них изготавливали как сами мартовские нити, так и декоративные объекты, крепившиеся к ним — для этого нитками обвивали кружкí или квадратики, вырезанные из картона). Такие мартовские нити могли носить, повесив на шею или приколов на грудь с помощью булавки [ПМА 2005б: информант Лучия Флореску, коммуна Дэбулень; Полевые материалы Плотниковой 2007: информант Джорджета Кырстя, с. Сэрата-Мунтеору, коммуна Мерей; Полевые материалы Плотниковой и автора 2009: информант Мария Бэдулеску, коммуна Байя-де-Фьер]. В Трансильвании встречались мартовские нити, изготовленные из цветных бусин, нанизанных на нить (жудец Сэлаж) [Sărbători și obiceiuri 2003: 280–281].

⁷ Вторая часть этой двусоставной лексемы происходит, вероятно, от славянского 'коса', этимология первой неясна (см.: [Анфертьев 1979а: 130–131]).

В настоящее время румынская мартовская нить всегда двуцветная — красно-белая — и почти всегда изготавливается из двух шелковых ниток (концы ее при этом украшены кистями). На территории нынешней Республики Молдова мартовские нити и в настоящее время часто бывают изготовлены из хлопчато-бумажных ниток (всегда красной и белой). Для арумын также типичны красно-белые мартовские нити, однако, по некоторым сведениям, встречались и черно-белые (информация о последних зафиксирована в Северной Добрудже). Изначально для изготовления этих оберегов у арумын, по-видимому, использовались шерстяные нитки, позже — также хлопчатобумажные [Țircomnicu 2004: 141–142].

Болгарская мартовская нить (*мартеница*) также чаще всего была изготовлена из красной и белой ниток, однако нередко встречались и нити, изготовленные только из красных ниток (например, в Пловдивском крае — с. Михилци общины Хисаря, область Пловдив, и с. Слатина общины Карлово, область Пловдив [Миков 1985: 46, 66; Стаменова 1986]. Существовали у болгар и белые мартовские нити. В некоторых областях Болгарии были распространены двуцветные мартовские нити из красной и синей нитей (районы Софии и Мелника) [Миков 1985: 46, 66; Колева 1977]. Также у болгар встречались многоцветные мартовские нити (главным образом в Родопах) [Миков 1985: 46, 66; Колева 1977]. У капанцев в северо-восточной Болгарии было принято повязывать 1 марта бело-сине-красные *китички* ягням, тогда как люди носили бело-красные *мартички* [Василева 1985]. Однако, по мнению ряда болгарских исследователей, многоцветные мартовские нити появились значительно позже, нежели двуцветные и одноцветные [Миков 1985: 46, 66; Колева 1977]. Традиционные болгарские мартовские украшения-обереги изготавливались чаще всего из шерсти, однако встречались также мартовские нити из хлопчатобумажных (в частности, в Софийском крае и у капанцев в северо-восточной Болгарии), а также из шелковых, льняных и конопляных ниток [Миков 1985: 46, 66; Василева 1993; Василева 1985]. В наши дни болгарские мартовские нити изготавливаются почти исключительно из шерстяных ниток и чаще всего бывают двуцветными — красно-белыми. Однако современная болгарская *мартеница* может быть и трехцветной: бело-красно-зеленой, бело-красно-синей и т.д.

У македонцев также распространены бело-красные мартовские нити (Струга, Дебар); наряду с ними встречаются бело-красно-черные (район Охрида) [Миладинови 1981: 522; Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149; Плотникова 2004: 130]. В области Дебар встречалась мартовская нить (*мльак*) из красных шелковых и белых льняных нитей (информация из с. Галичник, община Маврово и Ростуша, Западная Македония) [Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149].

У греков более всего распространены бело-красные мартовские нити, но встречаются также бело-голубые (на севере Греции), красно-бело-голубые (на островах Южной Греции — Родос, Карпатос) и красно-золотые [Зайковская, Зайковский, 2001; Пономарченко 2001; Иванова 1977б]. На островах Кикладского архипелага в первые дни марта детям надевали на пальцы рук вместо мартовских нитей кольца или бусы из стекла и кораллов [Иванова 1977б].

У албанцев встречаются мартовские нити, изготовленные из ниток белого, черного, красного и желтого цветов (сведения из с. Мухурр краины Дибыр) [Юллы, Соболев 2003: 420–421].

У турок Охрида (Македония) наряду с бело-красными бытуют бело-желтые мартовские нити, которые сперва вешают на шею детям, а затем — на розовый куст, «отдавая» ему болезни и зло, которые символизирует желтый цвет [Салих 1973; Анфертьев 1979а: 134].

Существуют различные гипотезы о символике основных цветов мартовской нити. Например, встречается утверждение, согласно которому белая нить является символом снега, зимы и смерти, а красная соответственно — огня, лета и жизни. Так, молдавский исследователь Ю. В. Попович писал по этому поводу: «Белая нить символизирует мертвый сезон зимы, красная — щедрое лето...» [Попович 1977]. Согласно другим версиям, красная нить символизирует здоровье и силу (кровь, румянец) и является оберегом, защищающим от болезней, а белая символизирует долгую жизнь (седину). Болгарский исследователь Л. Йорданова пишет, цитируя, вероятно, слова своих информантов, что болгары повязывают детям мартовские нити *за да бъде детето здраво и червено, да остарее и побелее* ‘Чтобы был ребенок здоровым и румяным (красивым?) (букв. «красным»), чтобы состарился (т.е. дожил до старости) и поседел’ [Йорданова 1996: 98]. Представители этнографической группы *капанци* в северо-восточной Болгарии объясняли обычай ношения мартовских нитей (преимущественно детьми и девушками) следующей фразой: *Да ставаме бели и червени, да не ни почерни баба Марта*⁸ ‘Чтобы мы были белыми и румяными (красными), чтобы нас не почернила баба Марта’ [Василева 1985]. Поговорка, сходная с болгарской, существует и у македонцев, которые повязывали себе мартовские нити со словами: *Да сме бели и червени като тези мартинчета* ‘Чтобы нам быть такими же белыми и румяными (красными), как эти мартовские нити’ [Китевски 1996: 73; Плотникова 2004: 131]. В другой своей работе Л. Йорданова отмечает, что в этом контексте ношение красно-белых мартовских нитей на исходе зимы связано с тем, что в этот период и пищевые запасы, и жизненные силы людей и животных на исходе [Йорданова 1988: 45].

Другой болгарский исследователь, Л. Миков, подчеркивает, что белый и красный цвета не составляют бинарную оппозицию, а находятся в функциональном и семантическом единстве [Миков 1985: 46]. Здесь можно вспомнить болгарский обычай развешивать 1 марта предметы одежды красного цвета на воротах, заборах и хозяйственных постройках и объяснение, которое дают этому обычаю жители Южной Добруджи: *Сутринта на 1 март изнасят червена дреха, за да има бели овце, защото бялата вълна лови червена боя* ‘Утром 1 марта выносят наружу красную одежду, чтобы иметь белых овец, потому что белая шерсть «ловит» красную краску (т.е. может быть окрашена в красный цвет)’ (г. Алфатар в области Силистра, Болгария) [Василева 1974]. Однако в той же Южной Добрудже, как и в ряде других районов Болгарии, аналогичная практика имеет и другое объяснение — нужно вывесить во дворе одежду, лоскутки или нитки красного цвета, чтобы погода была теплой (*Да е весела Марта, да не се лютти* ‘Чтобы была Марта веселой, чтобы не злилась’), и ни в коем случае нельзя выносить из дома какие-либо предметы белого цвета, чтобы летом не было дождя [Василева 1974].

Для южных славян слова «белый» и «красный» являются в определенном смысле синонимами слова «красивый». У болгар и македонцев словосочетание

⁸ Баба Марта — болгарское имя мартовской старухи (об этом персонаже см. выше).

бела-червена — устойчивый эпитет для красивой девушки или женщины. Так, например, *вилы* (мифологические существа в образе прекрасных женщин) могут обозначаться эвфимизмом *бели-червени* [Плотникова 1996: 45–46]. Вспомним также приведенные выше болгарские и македонские поговорки-пожелания для тех, кто носит мартовские нити: *да сме бели и червени* (букв. ‘чтобы мы были белыми и красными’) и т.д. В этой связи можно вспомнить русское устойчивое выражение *красна девица* и др., а также украинское *біла дівка, білий хлопець* (укр. гуцул. *білявина, білявка, білявочка* — ‘милая’, ‘возлюбленная’) [Колесса 1938: 54–55; Гуцульски говірки 1997: 26].

В румынском языке прилагательное «белый» (*alb*) может использоваться в значении «прозрачный», «чистый», а также в значении «невинный». Устойчивое выражение «белые дни» (*zile albe*) обозначает безмятежную, счастливую жизнь, «белый свет» (*lumea albă*) в народных сказках означает «реальный мир», «мир людей». Существует также устойчивое выражение «белые деньги на черный день» (*bani albi pentru zile negre*) [DEX 1998: 23]. Обозначение же красного цвета в румынском языке не имеет такого количества положительных коннотаций, как в славянских языках. Например, румынское выражение *a vedea roșu înainte a ochilor* ‘видеть красное перед глазами’ обозначает «очень сильно разочлиться, выйти из себя» [DEX 1998: 934].

В качестве отступления заметим, что В. Тернер, изучавший символику цветов на материалах африканских культур, также утверждал, что эти два цвета, красный и белый, не могут быть определены как бинарная оппозиция, но являются членами трехчастной системы, которую образуют вместе с черным цветом [Тернер 1983: 73]. Основываясь на материалах культуры *ндембу*, Тернер делает следующие выводы: *белый цвет* может символизировать как женское начало (грудное молоко), так и мужское (сперма); аналогичным образом красный цвет может представлять как мужское начало (например, кровь, пролитая на охоте или на войне), так и женское (например, менструальная кровь или кровь, пролитая при рождении ребенка) [Там же: 72–73, 76–79]. Нормальная (здоровая) сперма может быть представлена белой или бело-красной, бесплодная — черной или черно-белой [Там же: 78, 92–93]. В одних ритуалах белый цвет может символизировать женское начало, а красный — мужское, в других — наоборот [Там же: 72]. Обозначение белого цвета во всех случаях имеет позитивные коннотации, это цвет чистоты и возрождения. Даже в погребальных ритуалах белый цвет присутствует как символ очищения, но не как символ смерти (например, у группы *убанги* родственники усопшего в определенный момент погребальной церемонии красят свои тела в белый цвет) [Там же: 80]. Красный цвет является амбивалентным: он символизирует фертильность и здоровье, т.е. жизнь, но также и опасность, так как функция живых — не только *порождать* себе подобных, но и *убивать* [Там же: 80, 90]. Черный цвет символизирует смерть, нечистоту и бесплодие [Там же: 80]. Красный цвет в одних случаях является практически эквивалентным белому, в других — подобен черному. Например, кровь роженицы, пролитая при рождении ребенка, или кровь, пролитая в медицинских целях, у *ндембу* обозначается красным цветом; менструальная кровь или кровь, пролитая при убийстве, — красным и/или черным, а кровь, пролитая на охоте или при жертвоприношении на могилах предков, — красным и/или белым. Для большинства ритуалов в охотничьих культурах типичны красные и белые символы [Там же: 90].

Как было сказано выше, существуют сведения, согласно которым в румынских, арумунских, македонских и албанских мартовских нитях может присутствовать черный цвет (наряду с красным и / или белым), однако они встречаются достаточно редко [Sărbători și obiceiuri 2001: 266–268; Плотникова 2004: 131; Юлы, Соболев 2003: 422].

Как пишет В. Тернер в уже цитированной выше монографии «Символ и ритуал», ссылаясь на материалы африканских культур, черный цвет часто присутствует в триаде «белый — красный — черный» как некий «молчаливый партнер» или «ленивый бог» и нередко исчезает из символики ритуалов [Тернер 1983: 80–81]. Можно предположить, что подобным образом исчез черный цвет и из хроматики мартовских нитей, так как упоминание о таких явлениях, как темнота, холод, бесплодие и смерть, считалось нежелательным. Мартовская нить в большинстве случаев является двуцветной, и оба цвета — и белый, и красный — символизируют свет, плодородие, жизнь и удачу.

В конце XIX — начале XX в. румынский *mărțișor* очень часто представлял собой шнурок из двух перевитых нитей с подвешенной к нему серебряной, медной или (изредка) золотой монетой. Встречались и мартовские нити, к которым было подвешено несколько монет [Fochi 1976: 198–202; Ghinoiu 1997: 119–120]. Монета была типичным украшением и для молдавских мартовских нитей [Попович 1977]. Монета, в первую очередь серебряная, очевидно, воспринималась как магический предмет, который может принести человеку здоровье, удачу и, возможно, богатство [Попович 1977; Olteanu 1998: 22]. У восточнороманских народов монеты широко использовались в различных магических практиках. Например, жители некоторых сел жудеца Горж (Олтения) на третью ночь после рождения ребенка оставляли на каравае хлеба серебряную монету для *ursitoarele* — мифологических существ в образе женщин, предсказывающих и определяющих судьбу ребенка. На следующий день эту монету вешали младенцу на грудь (*монета в данном случае символизирует удачу*) [Pamfile 2000: 7–8]. Также в Олтении был зафиксирован обычай, согласно которому женщины протягивали серебряную монету через ворот и рукава новой одежды, прежде чем надеть ее на ребенка. Это делалось для того, чтобы уберечь ребенка от злых чар, чтобы он рос здоровым и ему сопутствовала удача (в этом случае *монета является символом удачи, здоровья и оберегом от злых чар*) [Olteanu 1998: 22]. В некоторых районах Румынии серебряные монеты использовались для исцеления ран. Для этого монету помещали на рану, сверху накладывали повязку, и так оставляли на несколько дней (*монета должна была способствовать воиставлению здоровья*) [Olteanu 1998: 22]. Также у румын встречается обычай, согласно которому в день св. Георгия девушки умывались водой, в которую предварительно клали серебряные монеты, «чтобы быть белыми и чистыми, как серебро» (*монета выступает как символ чистоты, ей приписываются очищающие свойства*) [Olteanu 1998: 22]. У молдаван в бывшем Бендерском уезде во время помолвки жених и невеста мыли руки водой из кувшина, в который были положены монеты, «чтобы было изобилие в хозяйстве» (*монета воспринимается как символ богатства*) [Зеленчук 1959: 24]. Привлечение богатства, вероятно, является более поздней функцией монеты-оберега по сравнению с другими функциями, упомянутыми выше. Функции сохранения чистоты и здоровья, а также привлечения удачи, приписывались, очевидно, не только монете как таковой, но и металлу, в первую очередь серебру. Другим

довольно распространенным украшением румынской мартовской нити был крестик, также изготовленный, как правило, из металла [Sărbători și obiceiuri 2001: 266–268; Sărbători și obiceiuri 2002: 217–218; Sărbători și obiceiuri 2003: 280–281; Sărbători și obiceiuri 2004: 316–319].

Монета, когда-то являвшаяся почти обязательным дополнением румынской мартовской нити, позже была заменена различными декоративными объектами, большинство из которых представляют собой различные символы счастья и удачи — изображение ключа, четырехлистного клевера, подковы, божьей коровки и т.д. Чаще всего они также бывают изготовлены из металла (несколько десятилетий назад их делали из серебра или золота, в настоящее же время — чаще всего из жести, покрытой цветной эмалью) (рис. 1; см. также колл. № 7438-9—13, 17, 24, 43, 44).

Монетой часто была украшена и арумынская мартовская нить. Другим распространенным дополнением к мартовской нити у арумын был крестик или бусина (бусины) [Țigomnicu 2004: 191–192].

Старинные болгарские мартовские нити также довольно часто были украшены монетами (такое украшение мартовской нити было распространено, в частности, в Пловдивском крае) [Йорданова 1988: 44; Стаменова 1986].

Мартовские нити с нанизанными на них монетами встречались у македонцев. В частности, в с. Галичник (община Маврово и Ростуша, область Дебар) красно-белый *мльак* из шелковой и льняной нитей украшался несколькими старинными серебряными и золотыми монетами [Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149]. Обычай украшать мартовские нити старинными монетами зафиксирован также у турок в Охриде (Македония) — в данном случае монеты символизируют силу и богатство [Салих 1973; Анфертьев 1979а: 134].

Рис. 1. *Мэрцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити, кулона в форме четырехлистного клевера и открытки. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-49

Рис. 2. *Мартеница* для ношения на груди, украшенная изображением двух кукол. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-74

Рис. 3 *Мартеница* для ношения на груди, украшенная синей бусиной. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-97

Старинные болгарские мартовские нити могли быть украшены подвешенными к ним головками чеснока⁹ или прядями конского волоса [Миков 1985: 46, 66; Колева 1977]. Позже у болгар появились *мартеници*, украшенные бусинами, а также кистями, помпонами и т.д., изготовленными из ниток [Йорданова 1988: 44; Василева 1993; Стаменова 1986]. В ряде населенных пунктов Софийского края мартовская нить, называемая здесь *марта*, была украшена кистями-куколками, которые именовались мужским и женским именами, например Пенчо и Пена (сведения из с. Драгалевци, ныне являющегося кварталом Софии) [Василева 1993]. Мартовские нити с подвешенными к ним шерстяными кистями, куколками и т.д. широко распространены в Болгарии и в настоящее время (рис. 2, см. также колл. № 84-76, 77, 87, 89, 97, 99, 100, 101).

Также у болгар распространены *мартеници*, украшенные бусинами, чаще всего голубыми или синими [Миков 1985: 46, 66] (рис. 3; см. также колл. № 84-89, 97).

Для мартовских нитей бессарабских болгар этот декоративный объект является одним из наиболее типичных [ПМА 1999: информант Мария Н. Кирмикчи, с Чийшия]. Синяя (голубая) бусина, очевидно, является оберегом, заимствованным болгарами у турок. Ношение украшений из голубых бус —

⁹ Использование чеснока в качестве оберега (для защиты от диких зверей, сглаза и нечистой силы) было характерно и для восточнороманских народов, однако мы не располагаем сведениями о том, что они подвешивали чеснок к мартовским нитям.

бирюзовых, а также стеклянных, деревянных и пр. «глазчатых», является типичным для турок [Курьлев 1970]. Ношение амулетов из синего стекла, украшенных изображением «глаза», распространено в Турции и в наши дни. Современные мартовские нити, бытующие в Болгарии, также нередко украшены синей бусиной с изображением «глаза». В этих амулетах-украшениях можно увидеть свидетельство амбивалентного восприятия синего (голубого) цвета. Синие «глазчатые» бусины возникли, очевидно, как обереги, функцией которых была защита того, кто их носит, «от дурного глаза» — им приписывалась способность отразить взгляд «дурных» (в первую очередь голубых, светлых) глаз. Нужно отметить, что голубые глаза считаются «дурными» не только у турок, но и у многих балканских народов, в т.ч. у румын, греков, части южных славян (см.: [Candrea 1999: 77]), так как у подавляющего большинства представителей этих народов карие глаза. Таким образом, синий цвет бус становится цветом оберега, объекта, который защищает своего хозяина, т.е. *предпочитаемым* цветом украшений и т.д. В культуре восточнороманских народов восприятие синего цвета является амбивалентным, хотя его роль в традиционной культуре этих этносов, по-видимому, не является столь заметной, как в культуре тюркских народов, а также болгар и греков. В румынском языке существует выражение *inimă-albastră* ‘синее сердце’, которое может обозначать грусть, досаду или ярость. Румынское выражение *e (cam) albastru* (букв. «это синевато») обозначает «это плохо», «это неприятно», «ситуация скверная» [DEX 1998: 24]. Однако в некоторых районах Румынии встречаются, как уже говорилось, мартовские нити, изготовленные из белой и синей или красной и синей ниток [Ghinoiu 1997: 120; Fochi 1976: 198–202]. Можно предположить, что в данном случае синий цвет «синонимичен» черному. Женщины-влашки из Видинского округа на северо-западе Болгарии в наши дни изготавливают на продажу и мартовские нити, украшенные синими или голубыми бусинами, «глазчатыми» или имитирующими бирюзу [Полевые материалы автора 2005а: информант Наташа Бакырова-Найденова, г. Брегово].

Синий (голубой) цвет нередко присутствует и в мартовских нитях греков, которые, как уже говорилось, могут быть изготовлены из белой и голубой (в Северной Греции) или красной, белой и голубой (на островах Южной Греции) ниток [Зайковский, Зайковская 2001; Пономарченко 2001].

Согласно сведениям, собранным румынскими этнографами в 70–80-е годы XX в., носили мартовские нити чаще всего дети, женщины, девушки и парни¹⁰ [Sărbători și obiceiuri 2001: 266–268; Sărbători și obiceiuri 2002: 217–218; Sărbători și obiceiuri 2003: 280–281; Sărbători și obiceiuri 2004: 316–319]. Гораздо реже встречаются сведения, согласно которым их носили взрослые мужчины (жудец Нямец — румынская Молдова, жудец Сучава — Южная Буковина, жудец Харгита — Трансильвания) или старики (жудецы Васлуй, Бакэу — румынская Молдова, жудец Ботошань — Южная Буковина) [Sărbători și obiceiuri 2003: 280–281; Sărbători și obiceiuri 2004: 316–319]. Изготавливали эти украшения-обереги матери для детей, женщины и девушки для самих себя, реже — дети для самих себя; встречаются также сведения, согласно которым девушки дари-

¹⁰ Сведения из конкретных населенных пунктов могут значительно различаться: где-то эти обереги носили только дети (обоого пола), где-то — только девушки и девочки и т.д. Устойчивые региональные тенденции в этом смысле нам пока вычленить не удалось.

ли мартовские нити своим возлюбленным (записаны, в частности, в жудеце Бакэу — румынская Молдова, в жудеце Бузэу — Мунтения, в жудецах Клуж, Ковасна и Харгита — Трансильвания) [Fochi 1976: 198–202; Sărbători și obiceiuri 2003: 280–281; Sărbători și obiceiuri 2004: 316–319; Полевые материалы Плотниковой 2007]. Встречаются и сведения о том, что парни и девушки обменивались мартовскими нитями (например, в жудеце Бакэу, румынская Молдова) [Sărbători și obiceiuri 2004: 316–319]. Согласно сведениям из местности Ватра Дорней (Южная Буковина), у проживающих там немцев еще в 70-е годы XX в. существовал обычай, согласно которому девочки 1 марта дарили мартовские нити мальчикам, и те прикалывали к одежде (на грудь) сразу все полученные в подарок украшения-обереги. В свою очередь, мальчики дарили подарки девочкам на 8 марта [ПМА 2005б: информант Кристина Гинда, уроженка Ватра Дорней]. Обычай дарения и ношения мартовской нити, разумеется, был заимствован румынскими немцами у румын. В настоящее время в сельских регионах Румынии, как и в городах, дети изготавливают (главным образом, на уроках труда) мартовские нити для своих матерей и бабушек, молодые люди дарят мартовские нити (покупные) девушкам, а мальчики — девочкам [Голант 2008; Полевые материалы Плотниковой и автора 2009: информант Елена Пэпурикэ, коммуна Половрадж]. Встречаются, впрочем, и сведения, согласно которым эти украшения-обереги могут дарить также девушки молодым людям и женщины — мужчинам [Полевые материалы Плотниковой и автора 2009: информант Елена Пэпурикэ, коммуна Половрадж].

У румын основными являются следующие способы ношения мартовской нити: а) повязав на запястье, б) повесив на шею, в) приколов на грудь как брошь. Последний способ самый поздний и в настоящее время самый распространенный [Голант 2008; ПМА 2008: информанты Джанина Тоадер, Георге Марку, коммуна Мынзэлезть; Полевые материалы Плотниковой 2007: информант Джорджета Кырстя, с. Сэрата-Мунтеору, коммуна Мерей] (рис. 4). Молодые люди в прошлом могли носить мартовские нити, прикрепляя их на шляпы [Sărbători și obiceiuri 2001: 266–268; Sărbători și obiceiuri 2003: 280–281; Sărbători și obiceiuri 2004: 316–319; Полевые материалы Плотниковой и автора 2009: информант Елена Пэпурикэ, коммуна Половрадж].

Кроме того, у румын известен обычай повязывать мартовские нити домашним животным и птице — ягнятам, телятам, курам и др. [Nicolau 1998: 40; Плотникова 2009; Полевые материалы Плотниковой 2007: информант Джорджета Кырстя, с. Сэрата-Мунтеору, коммуна Мерей]. Так, по словам информантов из округа Бузэу (Мунтения), еще в середине — второй половине XX в. мартовские нити вешали на шею телятам и ягнятам (в первую очередь недавно родившимся) [Полевые материалы Плотниковой 2007]. Заметим, что также у румын встречается обычай повязывать домашним животным (коровам, лошадям) красные нитки или ленты на шею или хвосты в качестве оберегов от сглаза. Это делается вне зависимости от сезона [Полевые материалы Плотниковой 2007: информанты Екатерина Марку, с. Дара, коммуна Пьетроаселе, Дойна (Добра) Кристя, Аника Андронаке, с. Сэрата-Мунтеору, коммуна Мерей].

У арумын мартовские нити носили женщины, девушки и дети (в том числе новорожденные, которых с помощью повязывания мартовской нити пытались уберечь от сглаза). Это украшение-оберег могли носить на руке, шее, ноге или

Рис. 4. Жительница Тимишоары с мартовской нитью, приколотой к одежде. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, март 2005 г. Архив автора

на поясе (повязав вокруг талии?). У арумын зафиксирован и обычай повязывать мартовские нити на шею молодняку скота — ягнятам, козлятам и жеребяткам, а также вешать их на двери помещений для скота, домов, на ворота [Tircomnicu 2004: 141–142].

У болгар мартовские нити носили в первую очередь дети, девушки и молодые женщины, несколько реже — пожилые женщины; встречаются также сведения, согласно которым мартовские нити носили парни и взрослые мужчины [Миков 1985: 46, 53]. В некоторых областях Болгарии (Ловечский край, большинство сел в северной части Пловдивского края и др.) уже в 70–80-е годы XX в. их носили только дети [Попов 1999; Стаменова 1986]. Тесная связь мартовской нити с культурой детства у болгар выражается и в обычае, согласно которому повитуха на Бабинден (8 января) повязывала мартовскую нить на руку ребенку, которому она помогала появиться на свет (Пловдивский край — села к югу от р. Марица, Белозем (община Раковски, область Пловдив), Рогош (община Марица, область Пловдив), Старосел (община Хисаря, область Пловдив) [Стаменова 1986]. *Мартеници* для детей изготавливали чаще всего их матери или бабушки. Согласно сведениям из некоторых областей Болгарии, например из общины Асеновград (область Пловдив), девушки изготавливали *мартеници* для своих возлюбленных [Миков 1985: 46, 53]. Болгары носили мартовские нити, повязывая их на запястье или палец (как правило, на левую руку), на локтевой сгиб (в этом случае мартовская нить была скрыта рубашкой), на палец ноги или вокруг талии, прикрепляя на грудь или вплетая в волосы. На шее и запястье носили мартовские нити женщины, девушки и дети, на гру-

ди — женщины и девушки, в волосах — девочки, девушки, изредка — пожилые женщины, на талии — мужчины и парни, на пальцах рук и ног — дети [Миков 1985: 53, 56; Попов 1999; Дражева 1980; Василева 1993; Стаменова 1986]. Девушки из области Монтана¹¹ (Северо-Западная Болгария) носили *мартеници* на левой стороне груди, а замужние женщины из этого региона — на правой [Миков 1985: 53, 56]. Дети и девушки в ряде случаев носили более одной мартовской нити. Например, в Пловдивском крае зафиксирован обычай, согласно которому дети носили мартовские нити на шее и на обеих руках — «для кукушки», «для аиста» и «для ласточки» и, очевидно, снимали их при появлении соответствующих птиц (сведения из с. Белозем общины Хисаря) [Стаменова 1986]. Девушки в некоторых селах области Хасково в Южной Болгарии носили одну мартовскую нить на шее, а другую — в косах (первую снимали, увидев ласточку, вторую — увидев змею) [Миков 1985: 53, 56].

Жители различных областей Болгарии, а также болгары-переселенцы в Бессарабии повязывали мартовские нити ягнятам, телятам и жеребяткам на уши, рожки, на шею, ноги или хвосты [Миков 1985: 53, 56; Дражева 1980; Стаменова 1986; ПМА 1999]. В некоторых селах Пловдивского края мартовские нити повязывали не всему молодняку скота, а только первенцам [Стаменова 1986]. Позже появилась традиция повязывать мартовские нити котяткам и щенкам [ПМА 1999: информант Мария Н. Кирмикчи, с. Чийшия; Седакова 2009: 139–147].

У болгар известен также обычай украшать 1 марта мартовскими нитями фруктовые деревья, различные орудия труда — прялки, веретена, ткацкие станки, маслобойки, упряжь, а также дверные ручки [Миков 1985: 53, 56; Попов 1999; Дражева 1980]. Этот обычай нередко объяснялся необходимостью «встретить Бабу Марту мартеницами» [Йорданова 1996: 92].

В южных районах Болгарии, где дети обходили 1 марта дома соседей с изображениями ласточек (данный обычай, вероятно, был заимствован болгарскими у греков), бело-красными шнурами украшали клетки, в которых находились «ласточки» [Миков 1985: 66].

У македонцев мартовские нити носили главным образом дети и молодежь [Кашуба 1977; Миладинови 1981: 522]. В Струге (Северо-Западная Македония) уже в середине XIX в. *мартинки* носили только дети (на шее, руках и ногах) — «для здоровья» [Миладинови 1981: 522]. В с. Галичник (область Дебар, Западная Македония) женщины изготавливали накануне 1 марта мартовские нити по числу членов семьи мужского пола, однако носили их только мальчики. Таким образом, ребенок обычно носил на шее не только свою мартовскую нить (*мльак*), но и *мльак* своего отца, старшего брата и др. [Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149].

У македонских турок мартовские нити также носили дети, повесив их на шею. Существовал у них и обычай вешать мартовскую нить на куст розы (накануне 1 марта ребенку вешали на шею бело-желтую, а на розовый куст — бело-красную мартовскую нить, утром 1 марта меняли их местами) [Салих 1973; Анфертьев 1979а: 134]. Желтый цвет в данном случае обозначает болезнь в противоположность красному, символизирующему здоровье (см.: [Olteanu 1998: 73–74]).

¹¹ До 1993 г. — Михайловград.

Греки могли носить мартовскую нить на запястье, на шею, на пальце руки или на большом пальце ноги [Анфертьев 1979б; Иванова 1977б; Зайковская, Зайковский 2001; Пономарченко 2001]. Уже в 70-е годы XX в. в Греции мартовские нити носили главным образом дети [Иванова 1977б].

У греков, как и у других балканских народов, известен обычай повязывать мартовские нити на шею домашним животным, чтобы их не сглазили, а также украшать ими окна и двери домов, чтобы в дом не вошел плохой человек и не навел порчу (обычай зафиксирован в округе Козани в греческой Македонии) [Зайковская, Зайковский 2001].

Греки, кроме того, украшали красно-белыми шнурами клетки «ласточек», с которыми дети ходили 1 марта по домам соседей, исполняя песни, посвященные возвращению ласточек и приходу весны [Анфертьев 1979б].

У албанцев мартовские нити также носили главным образом дети и молодежь, повязав их на запястье или на шею [Иванова 1977а; Юллы, Соболев 2003: 420–421].

Целью ношения мартовских нитей было избавление от болезней и бед, сохранение красоты и здоровья, привлечение удачи.

В большинстве случаев датой начала ношения мартовской нити является 1 марта [Fochi 1976: 198–202; Ghinoiu 1997: 120; Попович 1977]. Однако, например, у арумун и у македонцев в отдельных местностях встречается обычай надевать мартовские нити накануне 1 марта, т.е. 28 или 29 февраля [Ghinoiu 1997: 120; Nenişescu 1895: 525; Țigomnicu 2004: 141–142; Огнянович-Лоноски 2004: 148–149]. Жители некоторых районов Румынии надевали эти обереги в первое новолуние марта (такие сведения зафиксированы, в частности, в некоторых населенных пунктах румынской Молдовы — с. Торчешть в жудеце Галац, с. Периень Боджешть в жудеце Васлуй) [Fochi 1976: 198–202; Ghinoiu 1997: 120; Ghinoiu 1988: 202].

У румын время ношения мартовских нитей в прошлом могло длиться определенное, регламентированное количество дней. Чаще всего встречаются сведения, согласно которым мэртишор носили в течение всего марта (данный срок ношения мартовской нити зафиксирован, в частности, в Олтении — жудецы Долж, Горж, Мехединць, Вылча, Олт; в Мунтении — жудец Бузэу; в румынской Молдове — жудецы Яссы, Васлуй, Вранча, Бакэу, в Южной Буковине — жудецы Сучава и Ботошань) [Sărbători și obiceiuri 2001: 266–268; Sărbători și obiceiuri 2004: 316–319; Полевые материалы Плотниковой и автора 2009: информанты Елена Пэпурикэ, коммуна Половрадзь, Мария Бэдулеску, коммуна Байя-де-Фьер; полевые материалы Плотниковой 2007: информант Джорджета Кырстя, с. Сэрата-Мунтеору, коммуна Мерей; ПМА 2008: информанты Джанина Тоадер, Георге Марку, коммуна Мынзэлезешть]. Изредка встречаются сведения, что его могли носить два-три дня (румынская Молдова — жудецы Яссы, Бакэу), неделю (Олтения — жудецы Горж, Мехединць; румынская Молдова — жудец Бакэу), две-три недели (Олтения — жудецы Долж, Олт), два-три месяца (Олтения — жудец Вылча) [Sărbători și obiceiuri 2001: 266–268; Sărbători și obiceiuri 2004: 316–319]. В ряде местностей мэртишор носили до начала цветения какого-либо дерева или кустарника — шиповника (Олтения — жудецы Долж, Вылча; Мунтения — жудец Бузэу), розы (Олтения — жудец Долж, румынская Молдова — жудец Нямц), какого-либо колючего кустарника (Банат — жудец Караш-Северин), терновника, боярышника, вишни или

черешни (румынская Молдова — жудецы Галац, Нямец; Банат — жудец Караш-Северин), абрикоса (румынская Молдова — жудец Васлуй), персика (Олтения — жудец Горж), яблони (Южная Буковина — жудец Ботошань), кизила (румынская Молдова — жудец Бакэу), первого распустившегося плодового дерева (румынская Молдова — жудецы Яссы, Васлуй; Южная Буковина — жудецы Сучава, Ботошань) [Sărbători și obiceiuri 2001: 266–268; Sărbători și obiceiuri 2002: 217–218; Sărbători și obiceiuri 2004: 316–319; Голант 2008; Полевые материалы Плотниковой 2007: информант Дойна (Добра) Кристя, с. Сэрата-Мунтеору, коммуна Мерей; Полевые материалы Плотниковой и автора 2009: информанты Ион Попеску, Елена Пэпурикэ, коммуна Половрадзь]. В некоторых местностях мэришор носили до возвращения аистов (в частности, на территории нынешней Республики Молдова и у влахов в болгарской части долины реки Тимок) [Попович 1977; ПМА 2005а]. Нередко мартовскую нить носили до какого-либо праздника: до дня Сорока мучеников — 9 марта (румынская Молдова — жудецы Бакэу, Вранча; Мунтения — некоторые села жудеца Бузэу)¹² [Sărbători și obiceiuri 2004: 316–319; Полевые материалы Плотниковой 2007: информант Екатерина Марку, с. Дара, коммуна Пьетроаселе; Плотникова 2009], Вербного воскресенья (румынская Молдова, жудецы Ботошань, Яссы), дня св. Иеримии — 1 мая (румынская Молдова, жудецы Бакэу, Ботошань, Яссы, Нямец, Васлуй, Сучава) [Sărbători și obiceiuri 2004: 316–319]. Различные варианты могут «наслаиваться» друг на друга. Например, жители некоторых населенных пунктов округа Горж в Олтении носили мартовскую нить весь март и снимали ее, когда зацветали персиковые деревья [Sărbători și obiceiuri 2001: 266–268; Полевые материалы Плотниковой и автора 2009: информант Елена Пэпурикэ, коммуна Половрадзь]. Влахи из болгарской части долины Тимока носят мартовские нити до того дня, когда впервые увидят какую-либо перелетную птицу (как правило, аиста), и, по словам информантов, прилет аистов очень часто приходится на день Сорока мучеников, который здесь отмечают по юлианскому календарю, 22 марта [ПМА 2005а: информант Верка Бакырова, г. Брегово]. В жудеце Бузэу (Мунтения) была зафиксирована информация, согласно которой в течение первых девяти дней месяца, т.е. до дня Сорока мучеников, мартовскую нить носили на шее, а затем повязывали на запястье и так носили до начала цветения шиповника [Плотникова 2009; Полевые материалы Плотниковой 2007: информант Дойна (Добра) Кристя,

¹² В данном случае период ношения мартовской нити совпадает с днями, которые «посвящены» мартовской старухе и обозначаются хрононимами *babele* ‘старухи’ или *zilele babelor* ‘дни старух’. К этим дням приурочены разные гадания о характере и поведении людей и об удаче в текущем году. Как мы убедились выше, такой период ношения мартовской нити — первые девять дней марта — не является ни единственно возможным, ни даже наиболее распространенным, однако в научно-популярной литературе он может быть указан как общепринятый (см., например: [Evseev 2001: 113]). Некоторые румынские исследователи делают попытки связать обычай ношения мартовской нити с представлениями румын о мартовской старухе (см., например, рассуждения И. Гиною, который на основании содержащихся в некоторых румынских вариантах легенды о мартовской старухе упоминаний о том, что старуха (Баба Докия) отправляется в горы, взяв с собой прялку, делает вывод, что она «прядет мартовскую нить» или даже «прядет нить года в начале весны, подобно тому, как *ursitoarele* (мифологические персонажи, предсказывающие и определяющие судьбу новорожденного. — *Н.Г.*) прядут нить человеческой жизни» [Ghinoiu 2001: 11–12; Ghinoiu 2005: 58]).

Примечательно, что именно эти сроки ношения мартовской нити получили распространение в современной румынской городской культуре.

уроженка с. Бышчень коммуны Мынзэлешть, с. Сэрата-Мунтеору, коммуна Мерей].

У арумын было принято повязывать мартовские нити, как уже говорилось, в первый день марта или в последний день февраля, носили же их в течение всего марта либо до дня Сорока мучеников [Tîrcomnicu 2004: 141–142; Nenițescu 1895: 525].

У болгар *мартеници* обычно изготавливались накануне 1 марта, т.е. вечером 28 или 29 февраля, или 1 марта рано утром [Миков 1985: 46, 53; Дражева 1980]. В некоторых селах Софийской области, например в с. Злокучене общины Самоково, пожилые женщины пряли нити, скручивали из них *мартеници* и повязывали их детям рано утром, до того как дети проснутся [Йорданова 1996: 69].

У болгар встречаются, в частности, такие сроки ношения мартовской нити, как три дня, девять дней (до дня Сорока Мучеников) или двадцать пять дней (до Благовещения) [Миков 1985: 56, 60; Плотникова 2004: 131]. Так, в течение девяти дней мартовские нити носили в некоторых населенных пунктах Пловдивского края, например в г. Съединение [Стаменова 1986]. В некоторых населенных пунктах Болгарии их могли носить один день, сорок дней, в течение всего марта или до начала жатвы [Миков 1985: 56, 60; Дражева 1980]. Сроки ношения мартовской нити с 1 марта до начала жатвы встречаются, в частности, в Пиринском крае. Так, в с. Зарово девушки повязывали свои *марти* на первый сноп [Дражева 1980]. В отдельных селах Пловдивского края мартовские нити носили до тех пор, пока они не порвутся (с. Старосел (община Хисаря, область Пловдив), Слатина (община Карлово, область Пловдив), Ситово (община Родопи, область Пловдив) [Стаменова 1986]. В том же Пловдивском крае зафиксирован и обычай носить мартовскую нить до новолуния (с. Васил Левски, община Карлово, область Пловдив) [Стаменова 1986].

Широко распространен у болгар обычай снимать мартовскую нить в день начала цветения какого-либо плодового дерева или колючего кустарника (розы, шиповника, терна), или впервые в течение весны увидев перелетную птицу (ласточку, аиста или цаплю) или змею, или впервые услышав пение кукушки [Миков 1985: 56, 60; Василева 1985; Василева 1993; Попов 1999]. В области Русе дети, которые носили, как правило, две мартовские нити — по одной на правой и на левой руке, впервые увидев цаплю, бросали одну мартовскую нить «навстречу солнцу», а другую снимали, впервые увидев цветущее плодое дерево, и вешали на его ветку [Миков 1985: 56, 60]. *Капанци* на северо-востоке Болгарии носили *мартички* до прилета первого аиста, а затем вешали на цветущее фруктовое дерево [Василева 1985]. В большинстве сел Ловечского края было принято носить *мартеници* до прилета ласточек, а затем вешать их на розовый куст или на какое-либо молодое деревцо [Попов 1999]. В селах Пиринского края мартовскую нить, как правило, носили до прилета ласточек или аистов, а затем помещали под камень для последующего гадания о приплоде скота [Дражева 1980]. В Пловдивском крае встречался обычай, согласно которому дети носили одну мартовскую нить (на шее) *за кукувицата* (для кукушки), другую (на правой руке) — *за щеркела* (для аиста), а третью (на левой руке) — *за лястовицата* (для ласточки) и, очевидно, снимали соответствующую нить, впервые увидев ту или иную птицу (сведения из с. Белозем, община Раковски, область Пловдив) [Стаменова 1986]. В селах Пловдивского края

мартовские нити чаще всего носили до прилета первого аиста или ласточки, а затем, как уже говорилось, помещали под камень для последующего гадания. В некоторых селах края, впрочем, прилет аистов или ласточек маркировал момент, когда нужно было вынуть мартовскую нить из-под камня [Стаменова 1986]. В большинстве сел Софийского края мартовские нити носили до момента встречи с первым аистом, а затем либо бросали, либо повязывали их на дерево, либо помещали под камень для последующего гадания [Василева 1993].

У македонцев сроки ношения мартовских нитей аналогичны принятым у болгар. Особенно часто македонцы носили мартовские нити до прилета ласточек или аистов [Кашуба 1977; Плотникова 2004: 131]. Жители Струги повязывали детям *мартинки* для того, чтобы те встретили с ними ласточек [Миладинови 1981: 522]. В Западной Македонии считалось, что мартовскую нить нужно носить, чтобы первое пение весенней птицы не принесло человеку несчастье, болезнь или смерть [Петреска 1998: 146–147; Плотникова 2004: 131]. В с. Галичник (область Дебар) *мльак* носили с вечера 28 (29) февраля или с утра 1 марта (*Летник*) до 23 апреля, т.е. до Георгиева дня (*Г'урѓевден*) [Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149].

Греки носили мартовские нити чаще всего с 1 марта до Пасхи или до Благовещения (25 марта) [Иванова 1977б]. Встречаются также сведения, согласно которым у греков было принято снимать мартовскую нить, увидев первую ласточку [Анфертьев 1979а: 130]. Нужно отметить, что прилет ласточек в одних районах Греции маркировал начало, в других — окончание периода ношения мартовских нитей. Прилет ласточек и праздник их встречи, во время которого дети совершали обходы соседских домов с изображениями ласточек, клетки которых были украшены красно-белыми шнурами, в одних местностях приходился на 1 марта, в других — на 25 марта [Анфертьев 1979б].

У турок, живущих в окрестностях Охрида, было принято надевать мартовскую нить на шею ребенку накануне 1 марта (другую мартовскую нить при этом вешали на розовый куст), утром 1 марта мартовские нити с шеи ребенка и с розового куста меняли местами, после чего мартовскую нить носили до момента первой встречи с аистом [Салих 1973; Анфертьев 1979а: 134].

По сведениям, записанным у албанцев в с. Мухурр (район Пешкопия, краина Дибыр), мартовскую нить (*smiliresh*) носят только в течение Дня весны (1 или 14 марта), а затем чаще всего бросают в проточную воду. Впрочем, по словам некоторых жителей этого села, мартовскую нить нужно хранить до дня св. Георгия (*Shëngjergi*), и лишь затем бросить в воду или повесить на ветку дерева [Юллы, Соболев 2003: 420–421].

У румын, судя по записям румынских исследователей второй половины XIX — начала XX в., ношение этих украшений-оберегов в прошлом чаще всего мотивировалось сохранением красоты, *de a nu fi pârlîți de soare* ‘чтобы не быть обожженными солнцем’, остальные мотивы выступают скорее как дополнительные [Fochi 1976: 198–202]. При этом символом красоты и здоровья выступала зачастую не только и не столько сама мартовская нить, сколько нанизанная на нее серебряная монета, которая нередко воспринималась как неотъемлемая часть мартовского украшения-оберега [Ibid; Попович 1977]. Также на мартовскую нить могли вешать крестик или маленькую иконку (эти объекты также воспринимались как обереги) [Голант 2008]. По некоторым

сведениям, роль мартовской нити у румын могло играть ожерелье, которое надевали на шею девушкам, чтобы их не обожгло солнце [Olteanu 2001: 127—133]. Арумыны повязывали мартовские нити новорожденным младенцам, чтобы уберечь их от сглаза; пожилые женщины носили этот оберег на руке, чтобы в маслобойках удавалось масло; также считалось, что тот, кто носит мартовскую нить на ноге, не будет спотыкаться [Țîrcomnicu 2004: 141—142].

Мотивация обычая ношения мартовских нитей стремлением уберечься от «опасного» мартовского солнца известна также грекам, болгарам и македонцам. У болгар и македонцев существовало представление, что Баба Марта (мартовская старуха, которая у этих народов нередко воспринималась как персонификация марта) может обжечь горячим солнцем лица детей и девушек; чтобы этого не случилось, нужно было носить мартовскую нить [Плотникова 2004: 128]. У болгар Добруджи встречается также представление, что ношение мартовской нити в соответствующие дни марта должно уберечь человека от укусов змей и насекомых в течение целого года [Василева 1974]. В южной части Пловдивского края дети, девушки, молодые и пожилые женщины носили мартовские нити на шее для того, чтобы уберечься от укусов блох, и на пальцах — для того, чтобы не ушибить их [Стаменова 1986]. Пожилые женщины в некоторых селах Пловдивского края вплетали мартовские нити в косы (с. Дълбок Извор (община Първомай, область Пловдив), Ситово (община Родопи, область Пловдив) или носили их на запястье (с. Драгойново) для того, чтобы уследить за вылупившимися цыплятами [Стаменова 1986].

У греков зафиксировано представление, согласно которому мартовское солнце является особенно жгучим и что в этом месяце следует особенно опасаться пожаров и солнечных ударов. В округе Козани в западной части греческой Македонии, для того чтобы март прошел благополучно, принято было вечером накануне 1 марта набирать воду из родника («чтобы месяц март прошел так же хорошо, как проходит / течет вода»). Затем шли домой и ссучивали две шерстяные нитки — белую и красную (или голубую). На рассвете этот двуцветный шнурок повязывали на руку и на шею — «чтобы ее не поймал март» или «чтобы не ударил март» и чтобы весь месяц прошел хорошо. (Сведения из с. Эратира округа Козани) [Зайковская, Зайковский 2001].

Жительницы некоторых областей Румынии сопровождали «ритуальное расставание» с мартовской нитью ее «пропиванием» (*băutul mărișorului*) — на монеты, снятые с оберегов, покупали спиртное и устраивали вечеринку [Sărbători și obiceiuri 2004: 316—319; Ispirescu 1975: 29—30; Olteanu 2001: 131]. Этот обычай также мог включать в себя действия, направленные на сохранение / приобретение красоты. Так, согласно сведениям, зафиксированным в окрестностях Бухареста, здесь на монеты, снятые с мартовских нитей, покупали красное вино и пресный сыр — «чтобы быть белыми, как сыр и румяными, как вино». Саму мартовскую нить при этом вешали на розовый куст [Ispirescu 1975: 29—30; Olteanu 2001: 131]. Весьма сходный усложненный ритуал расставания с мартовской нитью бытовал еще в 70-е годы XX в. у македонских турок: когда дети в первый раз видели аиста, они разрывали мартовскую нить, старинные монеты, которыми та была украшена, брали себе, а шнурок оставляли на розовом кусте. Затем они шли домой и отдавали монеты матери, а та в ответ давала им современные монеты, на которые дети покупали кислое молоко. Кислое молоко ели, «чтобы быть белыми, как молоко» [Салих 1973; Анфертьев 1979а: 134].

Что касается самого «ритуального расставания» с мартовской нитью, можно выделить следующие типы действий: ее могли вывешивать на дерево (кустарник) или подбрасывать в воздух (по мнению А. А. Плотниковой, оба действия связаны с ритуальным «одариванием» мартовской нитью первой прилетевшей птицы), оставлять под камнем и затем гадать по ней о приплоде скота или же бросать в текущую воду [Плотникова 2004: 131; Юллы, Соболев 2003: 420–421; Полевые материалы Плотниковой и автора 2009: информанты Ион Попеску, Елена Пэпурикэ, коммуна Половрадзь].

У румын и молдаван, судя по имеющимся у нас данным, наиболее распространен первый «способ ритуального расставания» с мартовским оберегом. Так, согласно сведениям, приводимым румынскими этнографами, у румын в прошлом был широко распространен обычай, сняв *мэрцишор*, вешать его на ветку какого-либо плодового дерева — персика (Олтения — жудецы Горж, Вылча), абрикоса (румынская Молдова — жудецы Ботошань, Яссы, Васлуй, Галац, Бакэу; Южная Буковина — жудец Сучава), вишни (Олтения — жудец Горж; румынская Молдова — жудец Галац; Южная Буковина — жудец Ботошань), черешни (Банат — жудец Караш-Северин; румынская Молдова — жудецы Яссы, Васлуй, Галац, Нямц; Южная Буковина — жудецы Сучава, Ботошань), мирабели (Олтения — жудец Горж), сливы (румынская Молдова — жудец Яссы), яблони (румынская Молдова — жудецы, Яссы, Галац, Южная Буковина — жудецы Сучава, Ботошань), груши (Южная Буковина — жудец Ботошань), виноградной лозы (Олтения — жудец Долж), первого распустившегося плодового дерева (Олтения — жудец Горж; румынская Молдова — жудецы Яссы, Васлуй; Южная Буковина — жудецы Сучава, Ботошань), любого плодового дерева (Банат — жудец Тимиш; Трансильвания — жудецы Муреш, Ковасна, Хунедоара; румынская Молдова — жудецы Васлуй, Галац, Бакэу; Южная Буковина — жудец Ботошань), любого дерева (Банат — жудец Караш-Северин; Трансильвания — жудецы Харгита, Сибиу; румынская Молдова — жудец Яссы; Южная Буковина — жудец Ботошань), розового куста (Олтения — жудецы Долж, Горж, Мехединць, Олт; румынская Молдова — жудецы Нямц, Бакэу, Вранча; Южная Буковина — жудецы Сучава, Ботошань), шиповника (Олтения, жудецы Горж, Вылча; Мунтения — жудец Бузэу; румынская Молдова — жудецы Вранча, Бакэу), кизила (румынская Молдова — жудец Бакэу) либо какого-нибудь колючего кустарника — *spin, mărăcină* (Банат — жудец Караш-Северин; Олтения — жудецы Горж, Вылча; Мунтения — жудец Бузэу; румынская Молдова — жудецы Вранча, Бакэу) [Sărbători și obiceiuri 2001: 266–268; Sărbători și obiceiuri 2002: 217–218; Sărbători și obiceiuri 2003: 280–281; Sărbători și obiceiuri 2004: 316–319; Полевые материалы Плотниковой 2007: информанты Екатерина Марку, с. Дара, коммуна Пьетроаселе, Дойна (Добра) Кристя, с. Сэрата-Мунтеору, коммуна Мерей; Полевые материалы Плотниковой и автора 2009: информант Ион Попеску, коммуна Половрадзь]. В ряде случаев, как было сказано выше, это ритуальное расставание с оберегом происходило именно тогда, когда распускалось то или иное дерево или кустарник.

Обычай вешать снятую мартовскую нить на цветущее дерево или кустарник в румынской традиции чаще всего объясняется стремлением наделить человека красотой цветка: «вешали (мартовскую нить) на шиповник, чтобы лицо девушки осталось белым, не обожженным солнцем» (*Se punea pe untrandafir*

sălbatic, ca să-i rămână feței fața albă, nearsă de soare; с. Корбаска, жудец Бакэу, румынская Молдова); «вешали (мартовскую нить) на цветущее плодовое дерево — яблоню, сливу, чтобы тот, кто ее носил, был белым и розовым, как цветок этого дерева» (*Se agăța într-un pom înflorit: măr, prun, ca cel ce l-a purtat să fie alb și roz ca floarea pomului*); с. Тэтэрушь, жудец Яссы, румынская Молдова); «е (мартовскую нить) вешали на розовый куст, чтобы быть красивыми и красными (румяными), как роза» (*Îl agățau pe un trandafir să fie frumoase și roșii ca trandafirul*); с. Цибукань, жудец Нямц, румынская Молдова) [Sărbători și obiceiuri 2004: 316–319]. Это стремление отражено и в речевых формулах, произнесением которых в некоторых местностях сопровождалось перемещение снятой мартовской нити на ветку дерева или кустарника. Так, например, в с. Кэрбунарь в Банате (жудец Караш-Северин) мартовскую нить вешали на ветку черешни со словами: «Я даю тебе нить, чтобы ты дала мне белизну» (*Îți dau ața, să-mi dai albeață*); в с. Мехадика (жудец Караш-Северин, Банат) сходный текст произносили, помещая оберег на ветку некоего колючего кустарника (вероятно, шиповника — *spin*): «Я даю тебе *мэрцишор*, чтобы ты дал мне красноту (румянец) и белизну» (*Eu îți dau mărțișorul, tu să-mi dai roșeața și albeața*) [Sărbători și obiceiuri 2002: 217–218]. (Ср. аналогичное объяснение подобного обычая у македонцев — см. ниже.)

В некоторых местностях Румынии, в частности в некоторых населенных пунктах жудеца Бузэу (Мунтения), до сих пор сохраняется обычай вешать снятую мартовскую нить на ветку шиповника (*măceș*) или любого колючего кустарника (*mărăcină*) [ПМА 2008: информант Джанина Тоадер, коммуна Мынзэлешть]. Возможно, появление обычая вешать мартовскую нить на ветку колючего кустарника связано с представлением о том, что он способен отгонять злых духов (так, у румын, в частности в Мунтении, встречается обычай помещать ветки колючего кустарника на двери хлева в ночь на св. Георгия (Sfântu Gheorghe, 23 апреля), чтобы уберечь коров от ворожей, которые могли «забрать» у них молоко) [Полевые материалы Плотниковой 2007: информант Екатерина Марку, с. Дара, коммуна Пьетроаселе; ПМА 2008: информант Джанина Тоадер, коммуна Мынзэлешть].

Встречаются сведения, из которых можно сделать вывод о том, что помещение мартовской нити на ветку дерева действительно может быть связано с «одариванием» ею прилетевшей птицы: так, в с. Голэешть округа Яссы в румынской Молдове была зафиксирована информация, согласно которой мартовскую нить носили в течение месяца, а затем «оставляли на ветке дерева, чтобы прилетела кукушка ее взять» [Sărbători și obiceiuri 2004: 316–319].

У арумын также известен обычай по окончании срока ношения мартовской нити вешать ее на ветку какого-либо плодового дерева. Считалось, что деревья, на которые повесят мартовские нити, дадут большой урожай фруктов; дети же верили, что ласточки, которые возьмут себе мартовские нити, принесут им на Пасху новую одежду [Țircomnicu 2004: 141–142; Nenițescu 1895: 525]. (См. ниже о сходном обычае у греков.)

У болгар, как уже говорилось, обычай вешать снятую мартовскую нить на ветку дерева или кустарника широко распространен в северной части страны, в частности у капанцев на северо-востоке Болгарии, а также в областях Русе, Ловеч, София [Василева 1985; Василева 1993; Попов 1999; Миков 1985: 56, 60].

У македонцев также встречается обычай вешать мартовскую нить на ветку. В Галичнике (область Дебар, Западная Македония) мартовскую нить, которую здесь носили до дня св. Георгия, в этот день вешали, предварительно сняв с нее монеты, на ветку розового куста в саду, *за да бидет како него црвени и бели* ‘чтобы (ребенок) был, как роза, белым и красным (т.е. красивым)’ [Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149].

Известен аналогичный способ «ритуального расставания» с мартовской нитью и у греков. Так, в округе Козани (Северная Греция, западная часть греческой Македонии) зафиксирован обычай, согласно которому человек, увидев первую ласточку, говорил: «Возьми, ласточка, *марц* и на Пасху принеси мне всякого добра», а затем вешал *марц* на дерево, чтобы его забрала ласточка и взамен принесла в дом удачу. За этим деревом внимательно наблюдали — не забрала ли ласточка *марц*. Если в доме происходило какое-либо радостное событие, то удачу приписывали ласточке, забравшей *марц* с дерева (сведения из с. Эратира) [Зайковская, Зайковский 2001].

Встречается обычай вешать мартовскую нить на дерево или кустарник (в частности, на гранатовое дерево, розовый куст) и у албанцев [Анфертьев 1979а: 135; Юллы, Соболев 2003: 420–421].

«Одаривать» мартовской нитью вернувшуюся перелетную птицу могли, как уже говорилось, не только подвешивая нить на ветку дерева или кустарника, но и просто подбрасывая ее в воздух. Так, в некоторых арумьских селах Северной Добруджи дети в день Сорока мучеников шли на окраину села, в рощу, где бросали свои мартовские нити. При этом они пели:

Lăndăruși, albă guși,	Ласточка, белое горло,
Dă-ñi niheam di sănătati	Дай мне немного здоровья,
Să-ñi băneadză dada ș-tati	(И) чтобы были живы и здоровы мои мать и отец,
Maș d-ароеа sora ș-frati.	А также сестра и брат.

[Письмо Эмиля Цырконику автору].

У румын, молдаван и болгар встречался обычай, согласно которому, впервые в марте увидев аиста, ребенок должен был снять мартовскую нить, бросить ее вслед аисту (рум.) или «навстречу солнцу» (болг.) и сказать: «Возьми себе черноту, дай мне белизну!» (рум. *Na-ți negrețele, / Dă-mi albețele*, болг. *На ти тебе чернина, дай на мене белина!*) [Попович 1977; Marian 1994: 312–313; Йорданова 1988: 45]. Это действие также направлено на сохранение красоты (конкретнее — на избавление от веснушек и пятен на лице). У болгар в окрестностях г. Русе дети, впервые увидев цаплю, подбрасывали мартовскую нить вверх, «к солнцу», и говорили, обращаясь к цапле: *На тебе мартеница, а дай на мене здраве* ‘На тебе мартовскую нить, дай мне здоровья’ [Миков 1985: 60]. В области Хасково девушки, впервые весной увидев ласточку, снимали с шеи мартовскую нить, «чтобы шея была тонкой, как у ласточки» [Миков 1985: 60]. В области Дебарца (Юго-Западная Македония) дети, бросая мартовскую нить вслед первой ласточке (или аисту), выкрикивали: *На ти ластојце мартинка, да ми дајш кошула* ‘На тебе мартинку, а мне дай рубашку’ [Китевски 1996: 72; Плотникова 2004: 132]. Также в Западной Македонии встречался обычай носить мартовскую нить, пока не запоет первая весенняя птица, чтобы ее пение не принесло человеку несчастье, болезнь или смерть (*да не те разбие пилето*

‘чтобы тебя не разбила птица’) [Петреска 1998: 146–147; Плотникова 2004: 131].

В целом обычай «одаривания первой весенней птицы» мартовской нитью распространен, как мы убедились, достаточно широко — он известен в Молдове, Румынии, в Северной, Центральной и некоторых районах Южной Болгарии, в Западной Македонии, Албании, Греции.

Обычай оставлять мартовскую нить под камнем и затем гадать по ней имеет более ограниченное распространение — он встречается у болгар (в южных областях Болгарии — Странджа, Родопы, Пирин, окрестности Карнобата, Пловдивский край; в Софийском крае; в болгарской Добрудже), у македонцев (в Юго-Восточной Македонии) и греков [Плотникова 2004: 131; Василева 1974; Василева 1993; Стаменова 1986; Анфертьев 1979а: 130]. В этих местностях было принято, спрятав мартовскую нить под камень, на следующий день гадать о приплоде скота в текущем году: крупные насекомые (жуки и пр.), как правило, предвещали приплод у крупного рогатого скота, мелкие (муравьи, жучки) — приплод у коз и овец. Так, по поверьям жителей Пиринского края (Юго-Западная Болгария), прилипшее к мартовской нити насекомое сулило ее обладателю удачу в разведении домашних животных, при этом полагали, что муравьи на оставленном обереге означают приплод коз (с. Гостун (община Банско, область Благоевград), Кременец (община Момчилград, область Кырджали) или овец (с. Дыбрава (община и область Благоевград), божьи коровки — приплод крупного рогатого скота (с. Гостун, Кременец), пауки — приплод у ослов (с. Дыбрава) [Дражева 1980]. В Пловдивском крае (к северу от р. Марица и в с. Брестник общины Родопи) считалось, что если под камнем обнаружались муравьи, это означает приплод овец, если же там оказались черви и крупные жуки — приплод лошадей и крупного рогатого скота. Девушки в этой местности по тому, какие насекомые окажутся под камнем, определяли, выйдут ли они замуж за пастуха или за земледельца [Стаменова 1986].

Такой способ расставания с мартовской нитью, как оставление ее под камнем, типичен для всех сел края, за исключением с. Новаково (община Асеновград, область Пловдив), где ее повязывали на плодовое дерево [Стаменова 1986]. Схожие способы гадания о приплоде скота зафиксированы практически во всех регионах Южной Болгарии, а также в Софийском крае и Южной Добрудже [Плотникова 2004: 132; Василева 1993; Василева 1974]. В Софийском крае по наличию на мартовской нити насекомых могли гадать как о приплоде скота, так и о замужестве [Василева 1993]. Аналогичное девичье гадание встречается и на северо-востоке Болгарии. Так, в с. Равна (община Провадия, область Варна) девушки снимали мартовскую нить, увидев первого журавля, и прятали ее под камень. Если на следующий день на нитках видели какое-либо насекомое, то считали, что в текущем году должна быть свадьба [Седакова 2004: 237–267]. Зафиксировано подобное гадание о приплоде скота и у болгар-переселенцев на территории современной Украины. Так, жители с. Преслав бывшей Таврической губернии (ныне — Запорожская обл. Украины) носили *мартиничку*, пока не видели первого аиста, а затем клали ее под камень и, спустя некоторое время, смотрели, какие насекомые окажутся под камнем: «если окажутся муравьи — то у того, кто положил под этот камень свою ниточку, будут хорошие лошади; если окажутся божьи коровки — коровы и волы; если же под камнем ничего не окажется — тот, кто положил сюда свою

нитку, останется нищим» [Державин 1914: 161]. У бессарабских болгар-переселенцев зафиксирован обычай, согласно которому дети клали мартовскую нить, которую снимали, впервые увидев аиста, под камень, а затем бежали от камня, для того чтобы в течение лета не быть ленивыми, со словами:

*Лéляк, лéляк кáвада,
Мурта, мурта сáвада!*

(Записано в с. Чешма-Варуита (Криничное) Болградского р-на Одесской обл. Украины).

Смысл этих слов неясен, понятно только слово *лéляк* — аист [Державин 1914: 161–162]. В Пиринском крае к середине XX в. сложился обычай, согласно которому матери стали класть мелкие монеты под камни, под которые дети прятали свои мартовские нити, дабы порадовать их «подарком от ласточки» [Дражева 1980]. В большинстве сел южной части Пловдивского края уже в 30-е годы XX в. распространился обычай оставлять монету, якобы «принесенную аистом» (*донесана от щъркела*) под камнем, куда ребенок положил мартовскую нить. Вероятно, это явилось модификацией ранее существовавшего здесь гадания по мартовской нити [Стаменова 1986].

В Юго-Восточной Македонии (Гевгелия, Радовиш) мартовскую нить также клали под камень, т.е. здесь фиксируется тот же способ уничтожения ритуального предмета, но с иной целью: в Гевгелии обнаруженные на мартовской нити насекомые сулили здоровье ее обладателю, тогда как отсутствие таковых предвещало несчастье, болезнь, смерть [Этнография на Македония 1992: 240; Плотникова 2004: 132]. В окрестностях Радовиша дети, положив мартовскую нить под камень, верили, что получают взамен рубашечку [Делиниколова 1960: 154; Плотникова 2004: 132].

По представлениям греков, обнаружение муравьев под камнем, под которым была оставлена мартовская нить, предвещало благополучие в течение года [Анфертьев 1979а: 130].

У арумын также зафиксирован обычай по окончании периода ношения мартовской нити оставлять ее под камнем, однако, по утверждению румынского исследователя Э. Цырконику, в этом случае ожидалось, что из-под камня оберег заберет ласточка [Țigomnicu 2004: 141–142].

Еще одним способом «ритуального расставания» с мартовской нитью является бросание ее в текущую воду. Сведения о нем встречаются достаточно редко, однако те, что имеются, были зафиксированы в разных частях Карпато-Балканского региона: в северной части Албании, болгарской Добрудже, Юго-Западной Румынии (жудец Горж, Олтения). Объяснения этого обычая в разных местностях довольно сходны: «чтобы болезни лета ушли с водой» (сведения из с. Мухурр краины Дибыр, Албания)¹³, «чтобы ушло зло как по воде» (*da omi-de zlotu kato po voda*; сведения из с. Кайнарджа общины Кайнарджа области Силистра, Южная Добруджа, Болгария), «чтобы ушло зло» (*să ducă rele*; сведения из с. Половрадзь, жудец Горж, Олтения, Румыния) [Юллы, Соболев 2003:

¹³ Впрочем, здесь встречается и другие объяснения этого обычая: «чтобы шли дети и скот здоровыми», «чтобы скот много ходил» и был здоровым в этот год (см.: [Юллы, Соболев 2003: 420–421]).

420–421; Василева 1974; Полевые материалы Плотниковой и автора 2009: информант Елена Пэпурикэ, коммуна Половрадзь].

У румын зафиксирован и такой способ расставания с мартовской нитью, как ее сожжение — в том случае если она рвалась или теряла вид (сведения из с. Сэрата-Мунтеору коммуны Мерей, жудец Бузэу, Мунтения) [Плотникова 2009]. Аналогичный способ уничтожения этого украшения-оберега зафиксирован у болгар (в городской среде) [Седакова 2009: 139–147].

Очевидно, исходный смысл всех ритуалов расставания с мартовской нитью — выбросить вместе с ней зло, которое она на себя переняла. По мнению А. Н. Анфертьева, с которым автор склонен согласиться, именно в этом состоит изначальный смысл всех операций, которые могут выполняться при «ритуальном расставании» с мартовской нитью — бросить вслед прилетевшей птице, в реку, привязать на куст или дерево, положить под камень — так или иначе избавиться от нее, и уже на этой основе возникают мантические процедуры (гадания по мартовской нити, оставленной под камнем) и представления о симпатической связи оберега с тем, кто его носил [Анфертьев 1979а: 134].

В городах современной Румынии мартовские нити носят почти исключительно женщины, девушки и девочки, да и то не все, хотя обычаем дарить их в первые дни марта сохраняется здесь до сих пор. Что касается обычая дарить мартовские нити, то в разных регионах страны он выглядит по-разному (вопреки тенденции «внутренней глобализации» румынской мартовской нити). Например, жители Тимишоары утверждают, что мартовские нити — сувениры можно дарить только женщинам, девушкам и девочкам, в то время как жители Крайовы считают, что мужчины, юноши и мальчики могут дарить мартовские нити-сувениры женщинам, девушкам и девочкам, тогда как особы женского пола могут дарить их как мужчинам (юношам, мальчикам), так и друг другу; мужчины же не должны дарить их другим мужчинам (устное сообщение Отилии Хедешан, декана факультета филологии, истории и теологии университета Тимишоары; устное сообщение Адрианы Улиу, доцента филологического факультета университета Крайовы).

В Республике Молдова мартовские нити-сувениры получают в подарок не только женщины от мужчин и других женщин, но и мужчины от женщин. Иногда мужчины даже носят их, прикрепив к лацкану пиджака.

Румынские мартовские нити-сувениры в настоящее время почти всегда являются покупными (хотя большая часть мартовских сувениров, которые продаются в первые дни марта на лотках всех румынских городов, изготовлена вручную, это стало своего рода художественным промыслом, которым занимаются малоизвестные художники, студенты и др.; рис. 5). Вероятно, только ученики начальных классов делают их сами (с помощью учителей) на уроках труда, а затем дарят своим матерям.

В наши дни в румынских городах мартовские нити продаются в последние дни февраля — первые дни марта. Дарят их не только 1 марта, но и в другие дни в начале месяца; женщины и девушки довольно часто получают их в подарок 8 марта. К концу периода «баб» (*Babele*), или «бабиных дней» (*Zilele Babelor*), мартовских сувениров в киосках становится меньше, и цены на них заметно снижаются.

Румынская мартовская нить — мэртишор — изготавливается в настоящее время почти исключительно из шелковых ниток, всегда — белой и красной.

Рис. 5. Продажа мартовских нитей в Тимишоаре.
Румыны, Румыния, г. Тимишоара, март 2005 г. Архив автора

К мартовской нити может быть прикреплен маленький декоративный объект из металла, украшенного эмалью, фактически представляющий собой кулон (подвеску). Как уже говорилось, чаще всего это какой-либо символ счастья — подкова, клевер с четырьмя листочками, ключ, божья коровка, изображение трубочиста, однако встречаются также изображения цыплят, котят, щенков, бабочек, и т.д. Именно такой мэрсцишор чаще всего служит украшением; носят его обычно, приколов к одежде (на грудь) с помощью булавки (см. рис. 1, 4, а также колл. № 7438-9—13, 17, 24, 43, 44]. В 50–60-е годы XX в. в городах и даже в некоторых селах Румынии были распространены мартовские нити (сувениры), которые состояли из красно-белого шнурка из двух перевитых шелковых ниток и «символа счастья» (изображения подковы, ключа и т.д.), изготовленного не из жести, как в наши дни, а из золота или серебра. Такие мартовские нити также носили на груди. Так, жительница коммуны Дэбулень (жудец Долж, Олтения) Лучия Флореску сообщила, что в школьные годы (в 1960-х годах) у нее была золотая подвеска к мартовской нити, которую она носила только в первые дни марта, каждый год подвешивая ее к новой шелковой нити. Она рассказала также, что ее учительница каждый год получала в подарок от учеников и их родителей новый мэрсцишор с подвеской из драгоценного металла [ПМА 2005б: информант Лучия Флореску, коммуна Дэбулень].

В наши дни «символы счастья», прикрепляемые к мартовской нити, могут быть изготовлены не только из металла, но и из других материалов. Так, встречаются изображения ключей и подков из оргстекла, внутрь которого помещены фрагменты засушенных цветов (рис. 6; см. также колл. № 7438-42). Из такого же оргстекла изготавливают и буквы-инициалы, сердечки и др., которые также подвешивают к красно-белым шелковым нитям (колл. № 7438-46).

Рис. 6. *Мэрцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити, кулона в форме подковы и открытки. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-41

Рис. 7. *Мэрцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и кулона из поделочного камня в виде сердечка. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-45

Встречаются и мартовские нити с изображениями знаков зодиака, металлическими или керамическими.

В настоящее время в сувенирных киосках румынских городов продаются в первые дни марта также кулоны из поделочных камней, подвешенные к мартовским нитям (рис. 7). Эти кулоны их владелицы могут носить и по прошествии первых дней марта, без мартовской нити, но если их носят в первые дни весны, то, как правило, не как кулоны, а как броши, на груди. В первые дни марта в сувенирных киосках и на лотках можно купить и обычные броши с прикрепленными к ним мартовскими нитями (колл. № 7438-39).

Рис. 8. *Мэрцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и композиции из искусственных цветов. Румыны, Румыния, г. Крайова, конец XX в. МАЭ. Колл. № 7438-59

Рис. 9. *Мэрцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и куколки. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-48

В качестве украшения мэрцишор обычно носят, как уже говорилось, на груди, как брошь (см. рис. 4). Двадцать-тридцать лет назад существовала мода носить мартовские нити, прикрепив их к ремешку или браслету часов. В настоящее время на руке носят мартовские нити только маленькие девочки (устное сообщение О. Хедешан).

В Румынии распространены также мартовские нити-сувениры, которые изначально не предназначены для того, чтобы их носили в качестве украшений. Речь идет, в частности, о букетах живых или искусственных цветов (рис. 8; см. также колл. № 7438-19, 50, 51, 53), композициях из засушенных цветов (колл. № 7438-32, 33) или птичьих перьев (колл. № 7438-35), маленьких куклах (рис. 9), открытках (рис. 10; см. также колл. № 7438-2, 31, 40, 56, 57, 58), которые принято преподносить в подарок вместе с прикрепленными к ним или, в случае с открытками, с изображенными на них мартовскими нитями. В первые годы после революции 1989 г. в Румынии были распространены мартовские нити с портретами политических деятелей (в первую очередь Петре Романа), которые также не были предназначены для ношения (устное сообщение О. Хедешан). В последние годы наряду с уже ставшими традиционными мар-

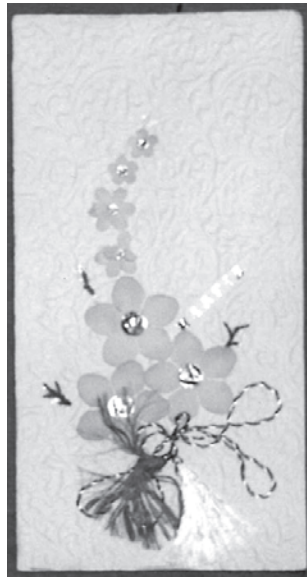

Рис. 10. *Мэрцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и открытки. Румыны, Румыния, Олтения, жудец Долж, коммуна Дэбулень, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 7438-1

товскими нитями-открытками, которые можно посылать друзьям и родственникам по почте, получили распространение виртуальные открытки с изображениями мартовских нитей или даже целые виртуальные презентации с фотографиями мартовских нитей и сувениров, дополненные музыкальным сопровождением, которые рассылаются по электронной почте.

На наш взгляд, можно утверждать, что обычай носить мартовские нити в первые дни весны в современной Румынии постепенно исчезает. Мартовские нити, которые теоретически предназначены для того, чтобы носить их в качестве украшений, часто продаются в красивой упаковке или прикрепленными к открыткам с надписями типа *1 martie* (1 марта), *Martie* (Март), *La mulți ani* (Многая лета), *Cu dragoste* (С любовью), в различных конвертах, коробочках и т.д., и зачастую остаются нераспакованными. Таким образом теряется древняя функция мартовской нити — функция украшения-оберега. Таким образом, современный румынский *мэрцишор* выполняет в большинстве случаев функцию подарка, знака любви или дружбы, уважения, доброго отношения. Доказательством этого является и то, что в настоящее время самое большое число мартовских нитей-сувениров получают в подарок в первые дни марта женщины-учителя и преподаватели лицеев и высших учебных заведений от своих учеников и студентов.

Болгарские мартовские нити в настоящее время, как правило, изготавливаются из шерстяных, реже — из шелковых ниток, о чем свидетельствуют болгарские экспонаты из коллекции № 7438. Однако почти все мартовские нити из коллекции № 6944, собранные в Болгарии и датирующиеся 50–80-ми годами XX в., изготовлены из шелковых ниток. Изредка в современной Болгарии встречаются мартовские нити, для изготовления которых используется фабричная тесьма, ткань, кожа и т.д., однако традиционная цветовая гамма сохраняется (колл. № 7438-79, 94).

В Болгарии *мартеници* носят в настоящее время и женщины, и мужчины, и дети. В то же время, согласно сведениям, собранным автором во время экспедиций в места проживания бессарабских болгар (с. Чийшия (Городне) Одесской обл. Украины), здесь мартовские нити носят только женщины и дети, что, возможно, связано с румынским влиянием [ПМА 1999: информант Мария Н. Кирмикчи, с. Чийшия].

Мартеница, которую носят на руке, выглядит как шнурок из двух переплетенных ниток, как правило, шерстяных, белой и красной, украшенный кистями тех же цветов или бусинами (рис. 11; см. также колл. № 7438-91, 97), или браслет, сплетенный или связанный из ниток белого и красного цветов, иногда с добавлением черного, синего или зеленого (колл. № 7438-71, 82, 83, 84, 85, 88). *Мартеница*-браслет также может быть украшена бусинами.

Реже встречаются у болгар мартовские нити-кулоны. Современная болгарская *мартеница*-кулон обычно выглядит как шнурок из двух перевитых ниток, белой и красной, к которому прикреплен какой-либо декоративный объект, изготовленный также из ниток или бусин (рис. 12; см. также колл. № 7438-100).

Рис. 11. *Мартеница* для ношения на руке, украшенная бусинами. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-90

Рис. 12. *Мартеница*-«кулон». Болгары или вlahи (по изготовлению), вlahи (по бытованию), Болгария, г. Брегово, область Видин, Болгария, конец XX — начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-72

Рис. 13. Открытка-мартеница. Болгары, Болгария, начало XXI в.
МАЭ. Колл. № 7438-61

Рис. 14. Мартеница, украшенная изображением куклы. Вероятно, настенное украшение. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-87

Рис. 15. Мартовские нити на ветвях деревьев.
Болгары, Болгария, София, апрель 2005 г. Архив автора

Рис. 16. Мартеница и бубенец.
Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-96

Рис. 17. *Мартеница* и кукла — мужская фигурка, прикрепленная к картонной карточке с изображением ласточки. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-93

Встречаются и более «модернизированные» варианты, которые сохраняют традиционную цветовую гамму, однако уже потеряли «мартовскую нить» как таковую. Так, современная болгарская *мартеница*-кулон может представлять собой, например, белый кожаный шнурок, к которому подвешено пластмассовое сердечко красного цвета (колл. № 7438-94).

В сувенирных магазинах и киосках Софии можно увидеть также наборы, состоящие из *мартенички*-кулона и *мартенички*-браслета (колл. № 7438-98).

В Болгарии распространены также мартовские нити, предназначенные для ношения на груди как броши. Мартовские нити-броши чаще всего бывают полностью изготовлены из ниток, шерстяных (колл. № 7438-73, 74, 76–78) или

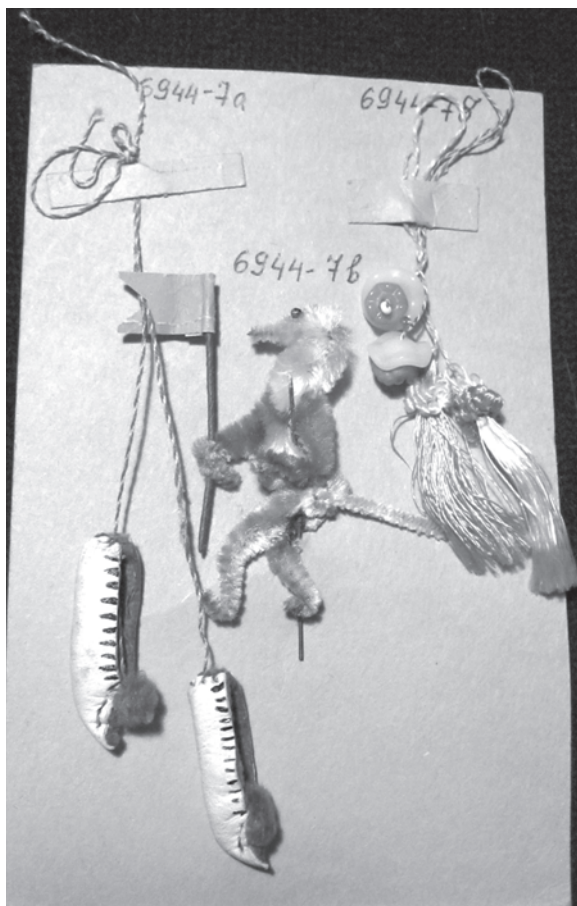

Рис. 18. Мартовские нити-«броши». Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-7 а, б, в

шелковых (колл. № 7438-63, 64; 6944-1а, 9б, 22–24, 26–29]. Встречаются также мартовские нити-броши, украшенные бусинами — синими, красными или имитирующими жемчуг (см. рис. 3; колл. № 7438-89), бисером (рис. 18) или различными декоративными объектами, изготовленными из металла (рис. 19, 20; см. также колл. № 6944-5б), пластмассы (рис. 21, 22, 23, 24, 25; см. также колл. № 6944-4, 13, 15), дерева (рис. 23; см. также колл. № 6944-9б, 10б), кожи (рис. 18) и др. *Мартеница*, которую носят на груди, может выглядеть как бело-красный шнурок из двух переплетенных нитей, завязанный бантиком, украшенный кистями или изображением подковы, божьей коровки (символов счастья) (рис. 23), какого-либо животного, например, черной кошки (рис. 18, 22, 24, 25; см. также колл. № 6944-15), птицы (рис. 21), цветов (колл. № 6944-13), сердечка, одной или двух маленьких кукол (если кукол две, то они изображают мальчика и девочку; см. рис. 2; колл. № 6944-19, 20). Мартовские нити, предназначенные для ношения на груди, нередко продаются в красивой упаковке. Довольно часто они бывают прикреплены к открыткам или кускам картона с надписью *Честита Баба Марта* 'Поздравляю(-ем) с Бабой Мартой' (см. рис. 3; колл. № 7438-79, 93, 97, 99). На наш взгляд, они постепенно теряют функцию украшений-оберегов и, возможно, в будущем станут просто *мартовскими*

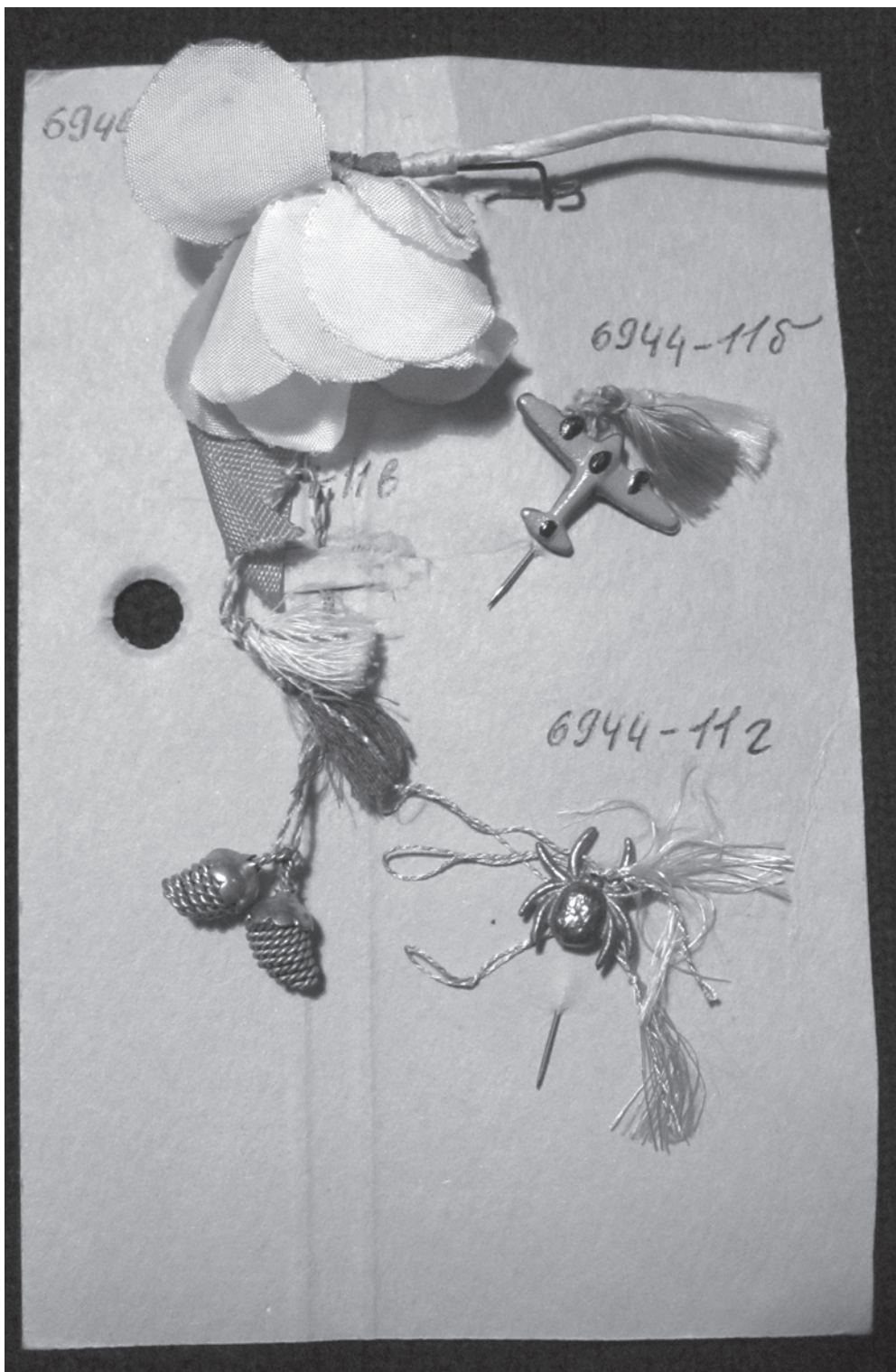

Рис. 19. Мартовские нити-«броши». Болгары, Болгария, вторая половина XX в.
МАЭ. Колл. № 6944-11 а, б, в, г

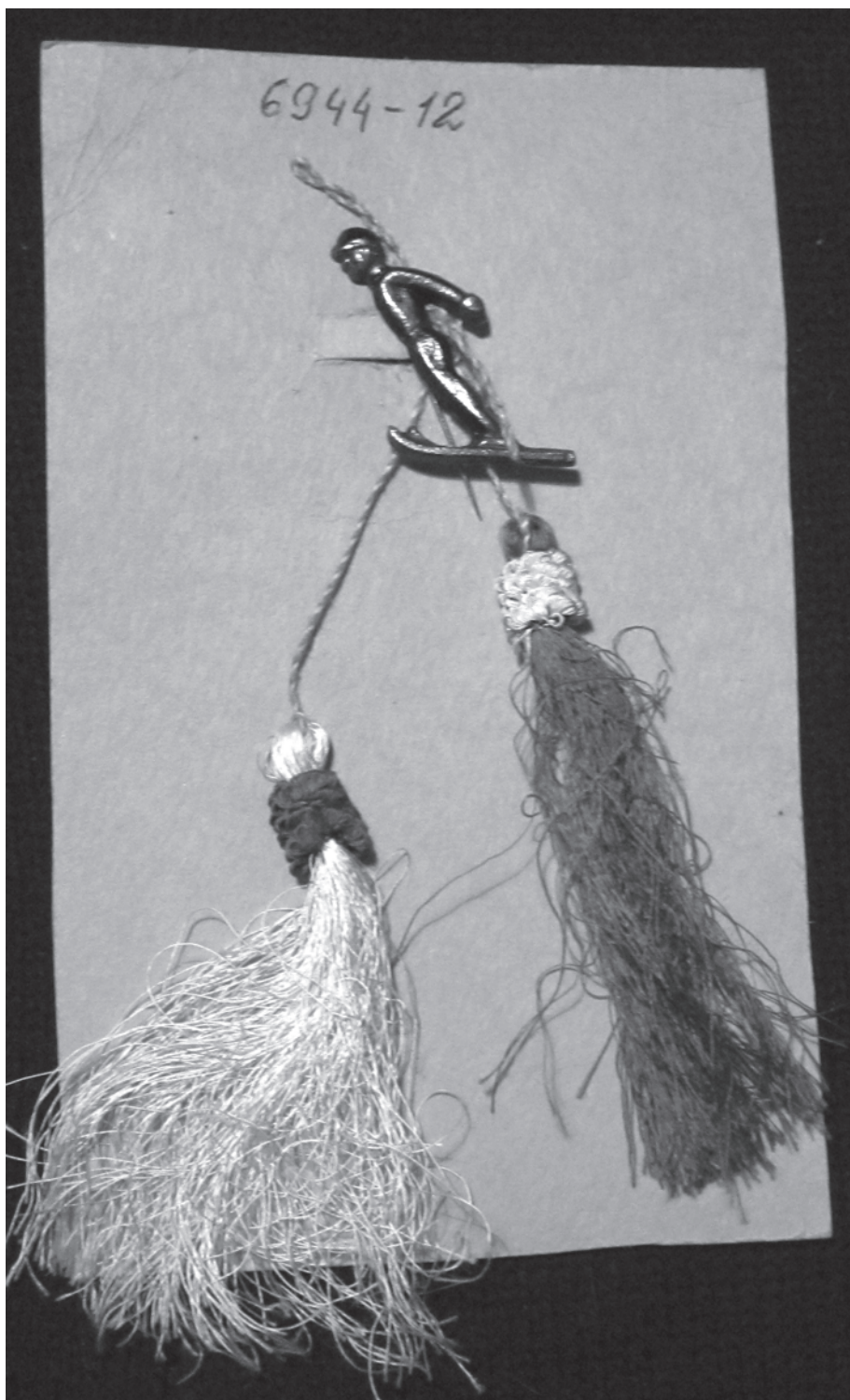

Рис. 20. Значок с прикрепленной к нему мартовской нитью. Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-12.

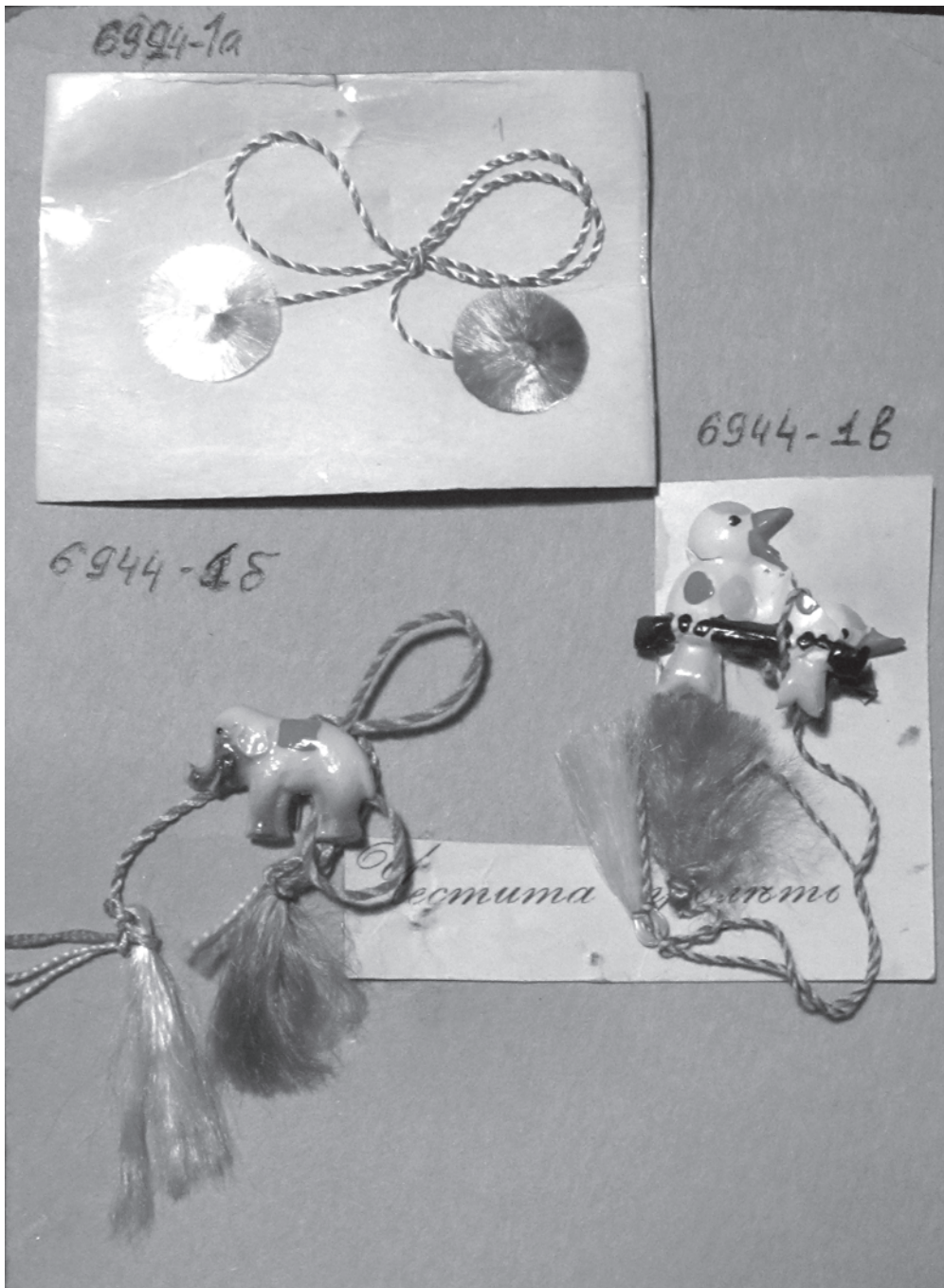

Рис. 21. Мартовские нити-«броши». Болгары, Болгария, вторая половина XX в.
МАЭ. Колл. № 6944-1 а,б, в

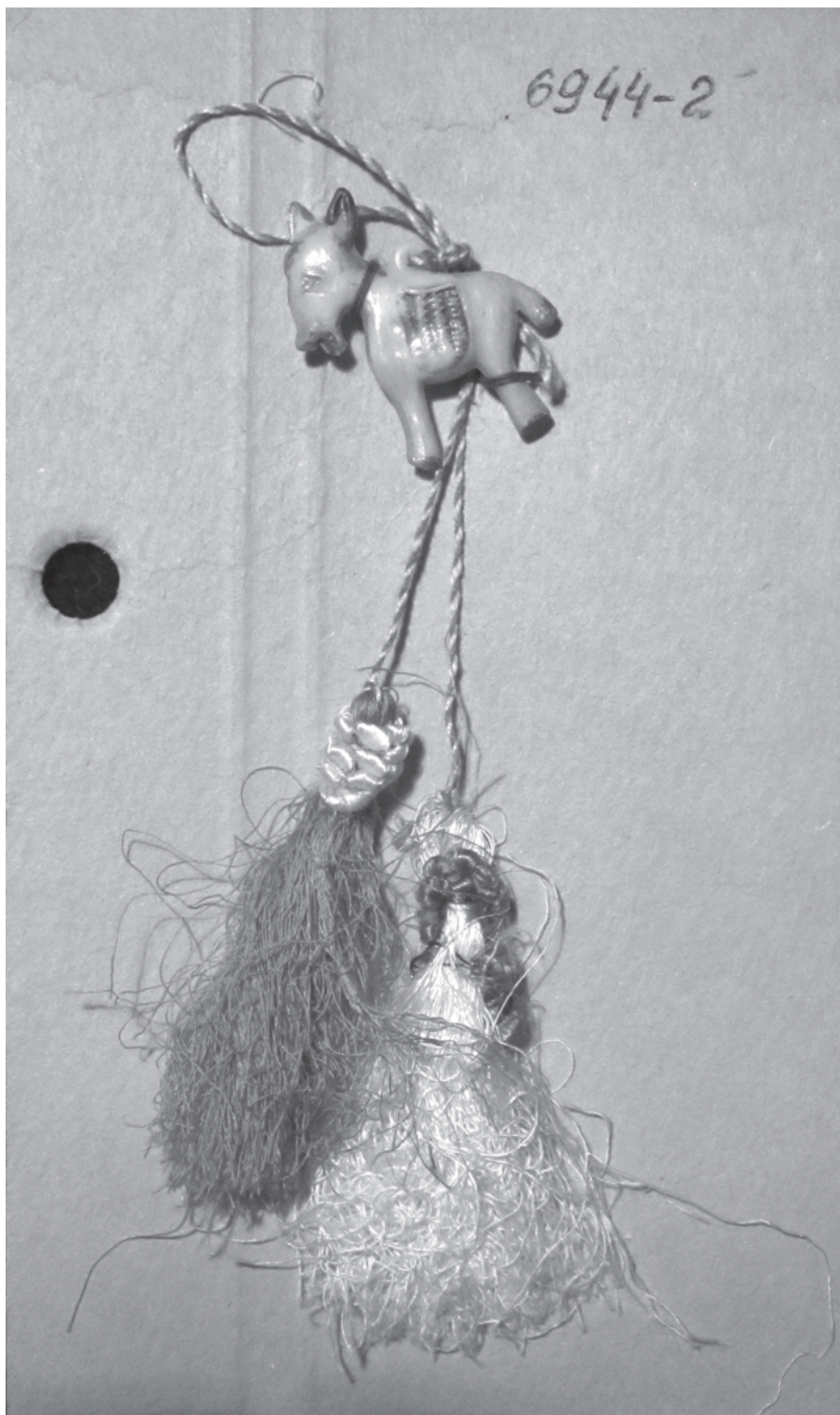

Рис. 22. *Мартеница*-«брошь», украшенная пластмассовым изображением ослика.
Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-2

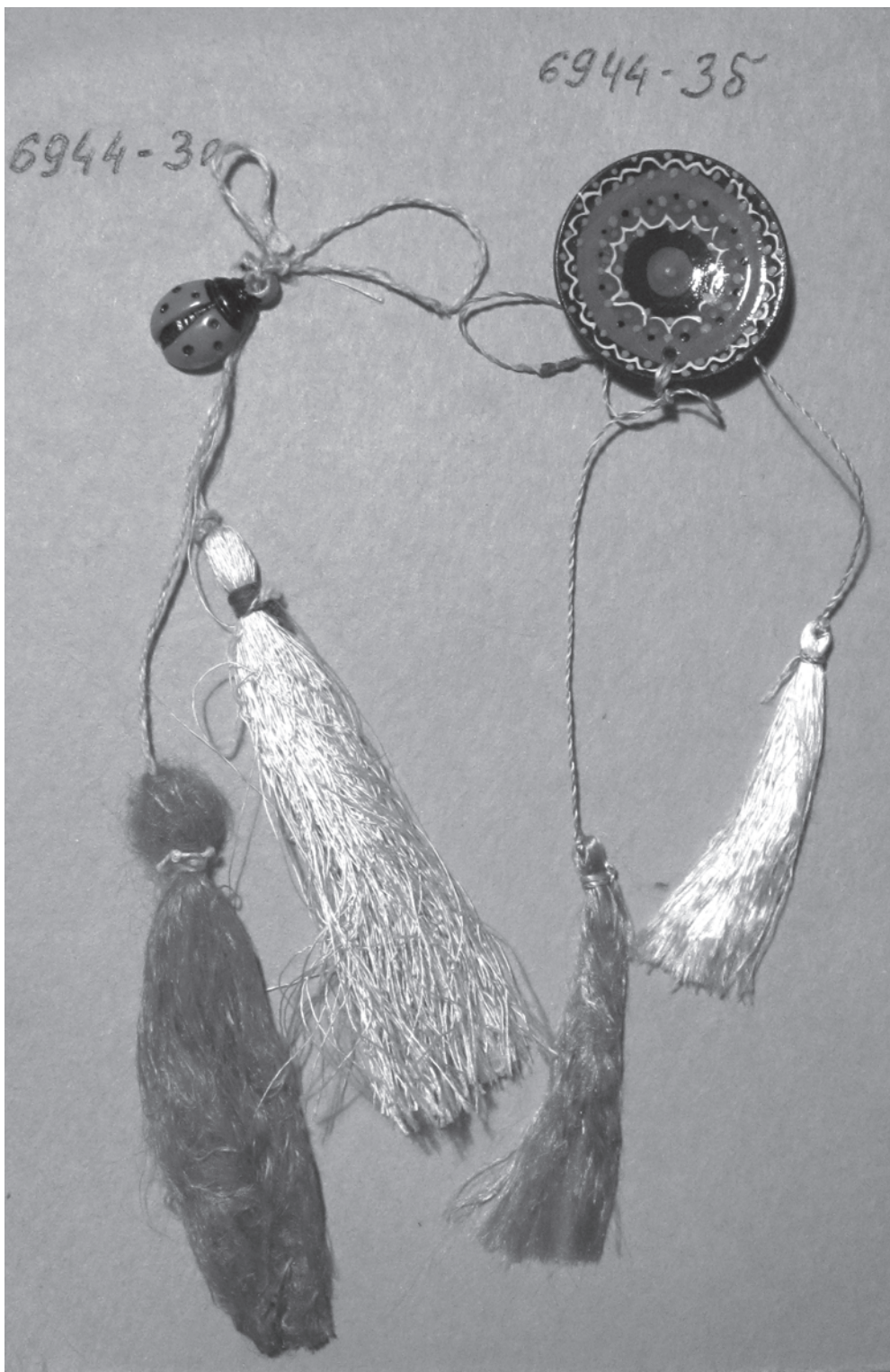

Рис. 23. Мартовские нити-«броши». Болгары, Болгария, вторая половина XX в.
МАЭ. Колл. № 6944-3 а, б

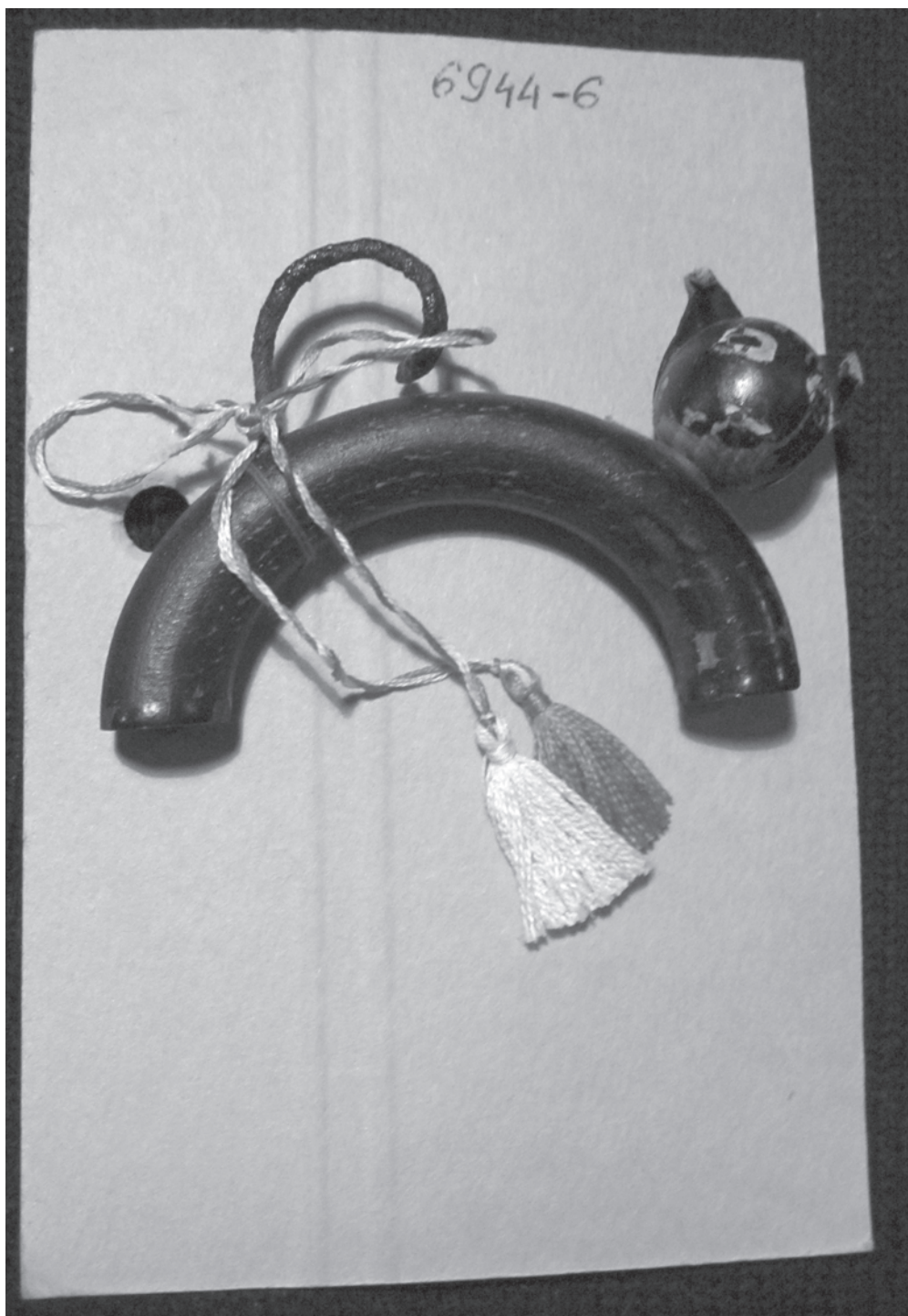

Рис. 24. *Мартеница*, прикрепленная к изображению черной кошки.
Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-6

Рис. 25. *Мартеница*, украшенная пластмассовым изображением черной кошки. Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-8.

сувенирами, как это происходит в настоящее время с румынскими мартовскими нитями.

В современной Болгарии, как и в Румынии, можно встретить мартовские нити (мартовские сувениры), которые в принципе не предназначены для того, чтобы носить их в качестве украшений. Это в первую очередь мартовские нити, прикрепленные к открыткам или картонным карточкам (см. рис. 17¹⁴; рис. 26; см. также колл. № 6944-30–34) или даже открытки с изображением мартовской

¹⁴ Данный экспонат представляет собой мужскую фигурку, изготовленную из цветных ниток и прикрепленную к картонной карточке. Карточка украшена изображением ласточки, несущей в клюве мартовскую нить (ср. приведенные выше сведения об обычае «отдавать» мартовскую нить ласточке).

Рис. 26. Открытка с прикрепленной к ней мартовской нитью.
Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-33.

нити (см. рис. 13; колл. № 7438-60). Встречаются также мартовские сувениры — настенные украшения из ниток (см. рис. 14).

Нужно также отметить, что в Болгарии в наши дни распространены мартовские нити с портретами известных артистов или героев блокбастеров — Гарри Поттера, Бэтмена и др., спортсменов, политических деятелей (фактически они представляют собой фотографии с прикрепленными к ним красно-белы-

ми нитями). В более ранний период были популярны мартовские нити, украшенные такими символами современной жизни, как, например, изображение самолета (см. рис. 19) или лыжника (см. рис. 20; экспонаты коллекции № 6944 относятся к 50–80-м годам XX в.). Среди болгарских мартовских нитей второй половины XX в. встречаются и такие «символы своего времени», как, например, *мартеница*, представляющая собой цветок из белой ткани с прикрепленной к нему красной ленточкой с надписью «15 лет ГДР» (см. рис. 19). Нередко можно встретить и мартовские нити, украшенные различными «этнографическими» объектами, такими, как бубенцы для коров или овец (см. рис. 16) или изображения традиционного болгарского передника — *престилки* (колл. № 7438–81), традиционной обуви *цырвули* (см. рис. 18), декоративной тарелки, расписанной в «национальном» стиле (см. рис. 23), или прикрепленные к открыткам с изображением пастушка (см. колл. № 6944–34), юноши и девушки в «национальной» одежде (рис. 26; см. также колл. № 6944–33]. Эти мартовские нити, на наш взгляд, сходны с молдавскими мартовскими нитями, изготавливавшимися в последние десятилетия советского периода. Так, в коллекции Российского этнографического музея имеются молдавские мартовские нити (сувениры) с прикрепленными к ним игрушечными опинками (традиционной обувью), куклами в традиционных костюмах и т.д. [Коллекционные описи РЭМ 67: 169; 279: 12–22]. Данное явление, возможно, связано с тем, что болгарские и молдавские мартовские нити в тот период были в определенной степени ориентированы на «внешнего» потребителя, их изготовители могли преследовать цель ознакомить с этой традицией представителей других этносов, жителей других регионов (в случае с молдавскими мартовскими нитями — жителей других республик СССР), тогда как румынские мартовские нити и в «коммунистический» период, и в настоящее время ориентированы почти исключительно на румынского потребителя.

Традиционная болгарская *мартеница* и в настоящее время в значительной мере является сувениром, предназначенным не в последнюю очередь для иностранцев. Так, в середине апреля 2005 г. мартовские нити можно было купить в любом сувенирном магазине Софии, хотя период их ношения уже прошел.

Кроме того, в наши дни в Болгарии, как и в Румынии, наряду с почтовыми открытками с изображениями мартовских нитей получили широкое распространение виртуальные открытки, а также целые презентации из фотографий и видеоклипов на эту тему с музыкальным сопровождением, которые можно отправлять по электронной почте.

Из всего вышесказанного очевидно, что в Болгарии, как и в Румынии, в первые дни марта принято дарить главным образом мартовские нити (сувениры), купленные в магазинах и киосках. В детских садах и начальных школах дети в конце февраля изготавливают *мартеницы* в подарок своим матерям (устное сообщение Йорданки Павловой, воспитательницы детского сада из Шумена, Болгария). Здесь, как и в Румынии, самое большое число мартовских нитей-сувениров получают в подарок 1 марта женщины-учителя и преподаватели вузов, что свидетельствует о том, что и в Болгарии мартовская нить постепенно превращается из оберега в знак внимания, уважения и доброго отношения.

Однако у болгар, в том числе в городской среде, и в настоящее время принято вешать мартовские нити на ветви плодовых и декоративных деревьев

и кустарников. Весной в садах и парках Софии яблони, черешни, сливы, кусты роз и шиповника украшают многочисленные мартовские нити (см. рис. 15). Однако, по утверждению И. А. Седаковой, которая имела возможность сравнить впечатления от софийской весны 2006 г. с тем, что ей приходилось видеть в Софии в тот же календарный период около двадцати пяти лет назад, «развешанных мартениц, да еще в таком количестве, в Софии в конце 70-х не было» [Седакова 2009: 139–147].

Анализ сведений, которыми мы располагаем на данный момент, позволяет утверждать, что в настоящее время мартовские нити, по крайней мере в Румынии, Молдове и Болгарии, являются в первую очередь символами начала весны, неизменными спутниками ее первых дней. Обычай ношения и дарения мартовских нитей воспринимается и румынами, и болгарскими как нечто специфичное именно для их страны. На наш взгляд, болгарская *мартеничка* в большей мере сохранила функцию оберега, приносящего удачу, тогда как румынский *мэрицишор* в настоящее время выполняет в первую очередь функцию подарка, знака любви, дружбы, уважения и доброго отношения. В то же время в Болгарии этот предмет и обычай приобрели, как уже говорилось выше, ярко выраженную этническую окраску. Так, в настоящее время в крупных городах Болгарии *мартенички* стали «традиционным болгарским сувениром», предлагаемым туристам в любое время года. Кроме того, в болгарском Интернете тиражируется информация о «новой старой» мифологии мартениц (подробнее об этом см.: [Седакова 2009: 139–147]).

Основной функцией мартовской нити изначально была функция оберега, который должен был защищать того, кто его носит, от злых сил в «опасный» период начала весны, и обеспечить ему здоровье, привлекательность и удачу на весь оставшийся год. Однако постепенно эта функция вытесняется другой — функцией подарка, знака любви, дружбы, уважения и доброго отношения.

Коллекции мартовских нитей, хранящиеся в фондах МАЭ, содержат достаточно большое количество экспонатов (коллекция № 6944 — 35 предметов, коллекция № 7438 — 102 предмета) и позволяют проводить исследования данного явления культуры на основании предметного ряда. Однако это собрание может дать более или менее полное представление лишь о бытовании этого явления в румынской и болгарской культуре второй половины XX — начале XXI в.

Источники

ПМА 1999 — Полевые материалы автора из с. Чийшия (Болградский р-н Одесской обл. Украины), 1999 г. / Архив автора.

ПМА 2002 — Полевые материалы автора из с. Мусаит (Тараклийский р-н Республики Молдова), 2002 г. / Архив автора.

ПМА 2005а — Полевые материалы автора из с. Брегово (область Видин, Болгария), 2005 г. / Архив автора.

ПМА 2005б — Полевые материалы автора из коммуны Дэбулень (жудец Долж, Олтения, Румыния), 2005 г. / Архив автора.

ПМА 2008 — Полевые материалы автора из коммуны Мынзэлезть (жудец Бузэу, Мунтения, Румыния), 2008 г. / Архив автора.

ПМА 2010 — Полевые материалы автора из коммуны Поноареле (жудец Мехединць, Олтения, Румыния), 2010 г. / Архив автора.

Полевые материалы Плотниковой 2007 — Полевые материалы А. А. Плотниковой из с. Сэрата-Мунтеору коммуны Мерей и с. Дара коммуны Пьетроаселе (жудец Бузэу, Олтения, Румыния), 2007 г. / Архив А. А. Плотниковой.

Полевые материалы А. А. Плотниковой и автора 2009 — Полевые материалы А. А. Плотниковой и автора из коммун Половрадждь и Байя-де-Фьер (жудец Горж, Олтения, Румыния), 2009 г. / Архив автора.

Библиография

- Коллекционные описи РЭМ. Молдаване. Кн. 67; Кн. 279.
- Анфертьев А. Н.* Календарные обходы и мартовская обрядность у народов Восточной Европы: преемственность и этнокультурные контакты: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979а.
- Анфертьев А. Н.* К истории мартовских обрядов в Греции // Советская этнография. 1979б. № 1. С. 133–139.
- Василева М.* Календарни празници и обичаи // Добруджа: Етнографски, езикови и фолклорни проучвания. София, 1974. С. 301–351.
- Василева М.* Календарни празници и обичаи // Капанци. Бит и култура на старото българско население в североизточната България: Етнографски и езикови проучвания. София, 1985. С. 200–235.
- Василева М.* Календарни празници и обичаи // Софийски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1993. С. 234–260.
- Голант Н. Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, область Олтения) // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. М., 2008. С. 271–322.
- Гуцульски говірки. Короткий словник. Львів, 1997.
- Делинколова З.* Обичаи свързани со поедини празници и неделни дни во Радовиш // Гласник на Етнолошкиот музеј. Скопје, 1960.
- Державин Н. С.* Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). Т. 1. Материалы по славянской этнографии. София, 1914. (Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. XXIX).
- Дражева Р.* Календарни празници и обичаи // Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980. С. 422–456.
- Етнография на Македония. Т. 2. София, 1992.
- Зайковская Т., Зайковский В.* Этнолингвистические материалы из Северной Греции (с. Эратира, округ Козани) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 152–181.
- Зеленчук В. С.* Очерки молдавской народной обрядности. Кишинев, 1959.
- Иванова Ю. В.* Албанцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники / Под ред. С. А. Токарева. М., 1977а. С. 301–321.
- Иванова Ю. В.* Греки // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники / Под ред. С. А. Токарева. М., 1977б. С. 322–336.
- Йорданова Л.* Изкуство и народни обичаи. София, 1988.
- Йорданова Л.* Обичани обичаи, София, 1996.
- Кабакова Г. И.* Структура и география легенды о мартовской старухе // Славянский и балканский фольклор. М., 1994. С. 209–222.
- Кашуба М. С.* Народы Югославии // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники / Под ред. С. А. Токарева. М., 1977. С. 243–273.
- Китевски М.* Македонски народни празници и обичаи. Скопје, 1996.
- Колева Т. А.* Болгары // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники / Под ред. С. А. Токарева. М., 1977. С. 274–295.
- Колесса Ф.* Народні пісні з підкарпатської Русі. Ужгород, 1938.
- Курьев В. П.* Одежда анатолийских турок // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970. С. 235–261 (Сборник МАЭ. Т. 26).
- МДАБЯ — Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 1. Лексика духовной культуры. München, 2005.
- Миков Л.* Първомартенска обредност. София, 1985.
- Миладинови Д. и К.* Български народни песни. София, 1981.
- Огняновиќ-Лоноски Р.* Галичник и мијациите. Скопје, 2004.
- Петреска В.* Пролетните обичаи, обреди и верувања кај Мијациите. Скопје, 1998.
- Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996.

Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

Плотникова А. А. Мартовские сюжеты в полевых исследованиях под Бузэу, Румыния // Мартеница. Mărțișor. Март'е. Verore... (Материалы Круглого стола 25 марта 2008 года). М., 2009. С. 118–138.

Пономарченко К. А. Из материалов по этнолингвистической программе МДАБЯ с островов Родос и Карпатос (Южная Греция) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 181–198.

Попов Р. Календарни празници и обичаи // Ловешки край. Етнографски проучвания на България. София, 1999. С. 293–320.

Попович Ю. В. Календарная обрядность // Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. Кишинев, 1977. С. 287–295.

Салих А. Прилог на проучвањето на обичаите околу Први март кај Турците во Охрид // Македонски фолклор. 1973. Г. 6. Бр. 12. С. 229–232.

Седакова И. А. Этнолингвистические материалы из северо-восточной Болгарии (с. Равна, Провадийская община, Варненская обл.) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 10. Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян. М., 2004. С. 237–267.

Седакова И. А. Мартеница в современной городской культуре Болгарии // Мартеница. Mărțișor. Март'е. Verore... (Материалы Круглого стола 25 марта 2008 года). М., 2009. С. 139–147.

Стаменова Ж. Календарни празници и обичаи // Пловдивски край: Етнографски и езикови проучвания. София, 1986. С. 244–283.

Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.

Юлы Дж. (Ylli Xh.), Соболев А. Н. Албанский гегский говор села Мухурр (краина Дибыр). München, 2003.

Candrea I. A. Folclorul medical român comparat. Privire generală. Medicina magică. Iași, 1999.

DEX — Dicționarul explicativ al limbii române. Ediția a II-a. București, 1998.

Evssev I. Dicționar de simboluri și arhetipuri culturale. Timișoara, 2001.

Fochi A. Datini și erezuri populare de la sfârșitul secolului al XIX-lea: răspunsurile la chestionarele lui Nicolae Densușianu. București, 1976.

Ghinoiu I. Vârstele timpului. București, 1988.

Ghinoiu I. Obiceiuri populare de peste an. București, 1997.

Ghinoiu I. Panteonul românesc. București, 2001.

Ghinoiu I. Comoara satelor: calendar popular. București, 2005.

Ispirescu P. Obiceiuri și datini la sărbători, după lunile anului, din ianuarie până în decembrie, în mahalaua Tîrchileștilor, din București și din alte părți. B.A.R., mss. 5102, 1875. F. 29–30.

Marian S. Fl. Sărbătorile la români. Studiu etnografic. București, 1994.

Nenițescu I. De la Românii din Turcia Europeană. Studiu etnic și statistic asupra armânilor. București, 1895.

Nicolau I. Ghidul sărbătorilor românești. București, 1998.

Olteanu A. Metamorfozele sacrului. București, 1998.

Olteanu A. Calendarele poporului român. București, 2001.

Pamfile T. Mitologie românească. București, 2000.

Сărbători și obiceiuri. Răspunsurile la chestionarele Atlasului etnografic român. Vol. I. Oltenia. București, 2001.

Сărbători și obiceiuri. Răspunsurile la chestionarele Atlasului etnografic român. Vol. II. Banat, Crișana, Maramureș. București, 2002.

Сărbători și obiceiuri. Răspunsurile la chestionarele Atlasului etnografic român. Vol. III. Transilvania. București, 2003.

Сărbători și obiceiuri. Răspunsurile la chestionarele Atlasului etnografic român. Vol. IV. Moldova. București, 2004.

Șăineanu L. Zilele Babei și legenda Dochiei // Șăineanu L. Studii folklorice. Cercetări în domeniul literaturii populare. București, 1896. P. 1–45.

Țîrcomicu E. Identitatea românească sud-dunăreană. Aromânii din Dobrogea. București, 2004.